This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

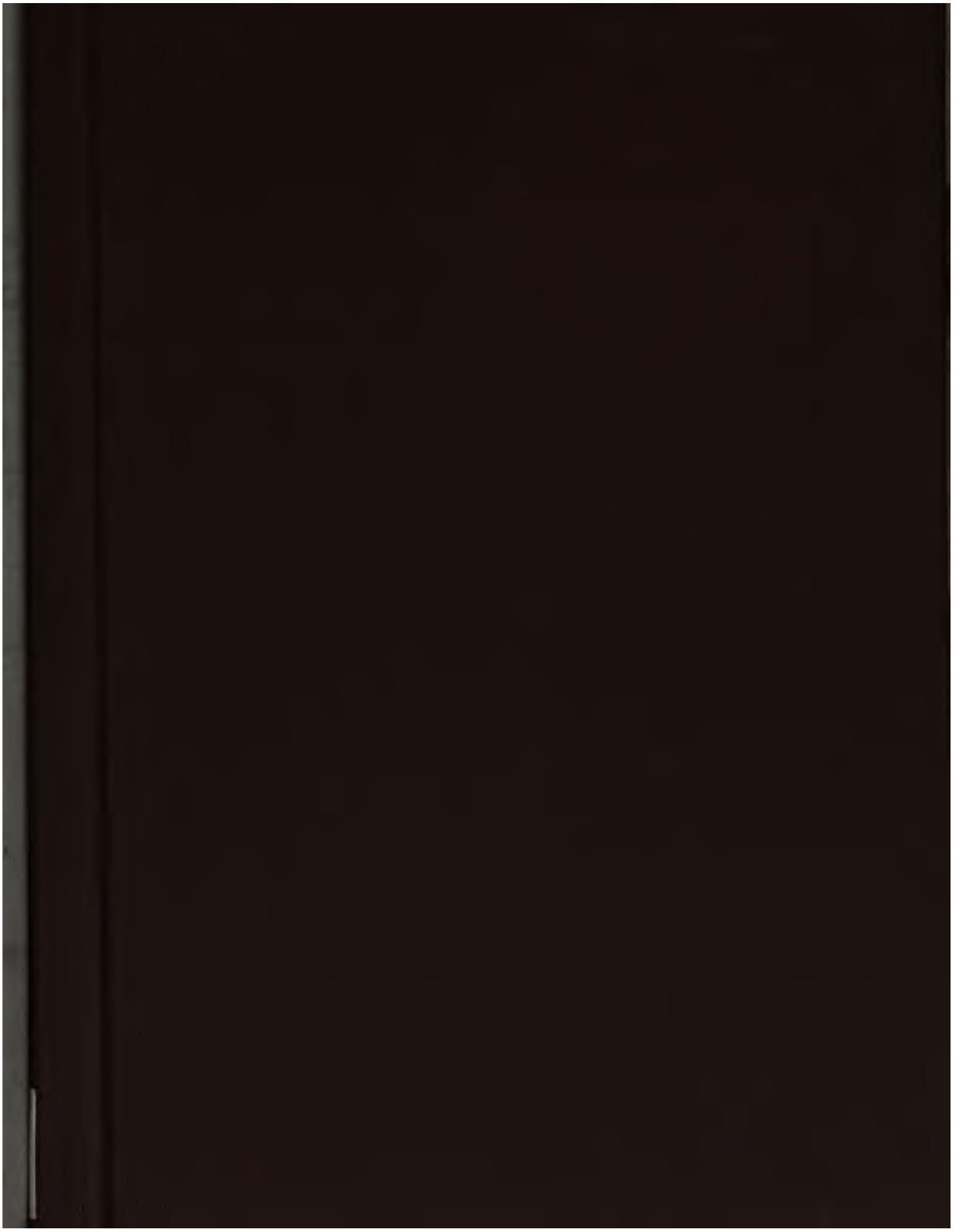
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



F25824

О

СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ И ЗНАЧЕНІИ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

Даръ Александра Осиповича Сорокина —
Священнику Николо-Плотническому Петру В[illegible]
[illegible]вскому.

Генваря 13.
[illegible]

Granovskii, T. N.

О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ И ЗНАЧЕНІИ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

ПРОИЗНЕСЕННАЯ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ОРДИНАРНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ,

Тимофѣемъ Грановскимъ.

12-го Января 1852 года.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1852.

TK

новы. Они обращали на себя вниманіе великихъ умовъ древняго міра и составляютъ неистощимое содержаніе ученыхъ преній въ наше время. Важность этихъ вопросовъ едвали можетъ подлежать сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что они находятся въ тѣсной связи съ задачею нравственнаго и умственнаго образованія, слѣдовательно съ цѣлою участію будущихъ поколѣній.

По кореннымъ условіямъ своей жизни, Востокъ не могъ принять участія въ рѣшеніи вопросовъ такого рода. Они никогда не входили въ сферу, въ которой сосредоточена дѣятельность восточной мысли. Азіатскимъ народамъ не чужда врожденная человѣку потребность знать свое прошедшее, но ихъ любознательность находитъ легкое удовлетвореніе въ родословныхъ спискахъ, въ простыхъ перечняхъ событій и въ историческихъ пѣсняхъ. Содержаніе этихъ памятниковъ, представляя обильный, хотя большею частію однообразный матеріалъ стороннему изслѣдователю, не могло на той почвѣ, которой принадлежитъ по происхожденію, уясниться до науки или облечься въ формы художественныхъ произведеній. Лѣтопись и пѣсня могутъ, конечно, быть вѣрнымъ отраженіемъ народнаго быта, но онѣ не въ состояніи служить орудіями умственнаго образованія. Онѣ живо и любовно напоминаютъ народу прошедшее, не приводя его къ ясному сознанію настоящаго. Требуя отъ исторіи разсказа, а не поученій, Востокъ довольствовался самыми бѣдными, хотя соотвѣтствующими его общественному развитію формами историческаго преданія. Единственное исключеніе составляютъ священныя книги Евреевъ. Мы говоримъ здѣсь не о вѣчномъ, стоящемъ выше человѣческихъ сужденій значеніи Библіи, но о томъ богатствѣ нравственныхъ назиданій, житейской мудрости и глубокой поэзіи, которыми она преисполнена. Изъ этого источника черпало разсѣянное теперь по лицу земли племя ту дивную крѣпость, которую оно противопоставляло всѣмъ испытаніямъ своей злополучной исторіи. Но по самому свойству своему, Божественный памятникъ, составляющій нынѣ духовную родину обреченнаго на скитаніе въ чужбинѣ Еврея, не могъ войти въ составъ предлагаемыхъ Вамъ, Мм. Гг., изслѣдованій. Ихъ исходною точкою будетъ древній, классическій міръ.

Греки и Римляне смотрѣли на исторію другими глазами нежели мы. Для нихъ она была болѣе искусствомъ, чѣмъ наукою. Такое воззрѣніе естественнымъ образомъ вытекало изъ цѣлаго порядка вещей и основныхъ началъ античной образованности. Задача Греческаго историка заключалась преимущественно въ возбужденіи въ читателяхъ нравственнаго чувства или эстетическаго наслажденія. Съ этою цѣлью соединялась нерѣдко другая, болѣе положительная. Политическіе опыты прошедшихъ поколѣній должны были служить примѣромъ и урокомъ для будущихъ. «Я буду удовлетворенъ, говоритъ Оукидидъ, если трудъ мой окажется полезнымъ тому, кто ищетъ достовѣрныхъ свѣдѣній о прошедшемъ, а равно и о томъ, что̀ по ходу дѣлъ человѣческихъ можетъ повториться снова [1].» Это практическое направленіе выразилось еще съ большею силою въ произведеніяхъ Римскихъ историковъ; но въ лучшія времена Римской литературы оно всегда соединялось съ нравственно-эстетическими цѣлями. Тѣсная связь исторіи съ жизнію, черпавшей изъ нея многостороннее назиданіе, сообщала нашей наукѣ важность, которой она, при всѣхъ сдѣланныхъ ею съ тѣхъ поръ успѣхахъ, не имѣетъ въ настоящее время. Назвавъ ее наставницею жизни [2], Цицеронъ выразилъ господствовавшее у древнихъ воззрѣніе. Они вѣрили въ могущество примѣровъ. Ихъ жизнь, далеко не такъ сложная какъ жизнь новыхъ народовъ, не рѣдко повторяла одни и тѣже явленія и такимъ образомъ открывала возможность прилагать къ дѣлу опыты минувшаго. Римскому гражданину, особенно въ послѣдній періодъ республики, во время ея высочайшаго могущества, нельзя было обойтись безъ обширной исторической образованности. Безъ нея невозможна была никакая политическая дѣятельность. Такое понятіе о практическомъ значеніи исторіи сохранилось при императорахъ. Самое рѣзкое и вполнѣ подтверждающее наши слова свидѣтельство находится въ біографіи Александра Севера, написанной Эліемъ Лам-

[1] I. 22.

[2] Historia testis temporum, lux veritatis, vita memoriae, *magistra vitae*, nuntia vetustatis. Cicero de orat. II. 9.

придіемъ: «Северъ особенно пользовался совѣтами мужей, знавшихъ исторію, и спрашивалъ у нихъ, какъ поступали въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ шла рѣчь, древніе Римскіе императоры или вожди другихъ народовъ [3].»

При господствѣ такихъ направленій, произведенія древней историографіи не могли походить на ученыя сочиненія новаго времени, болѣе или менѣе носящія на себѣ печать кабинетной работы. Историки Греціи и Рима принадлежали преимущественно высшимъ сословіямъ общества [4] и часто описывали такія событія, въ которыхъ были личными участниками или свидѣтелями. Они старались сообщить разсказамъ своимъ какъ можно бо́льшую красоту и ясность, сдѣлать ихъ доступными для сколь можно бо́льшаго числа читателей. Изящная форма составляла необходимое условіе значительнаго успѣха. Но подъ изяществомъ формы разумѣлась не одна красота изложенія, а художественное, на основаніи общихъ законовъ искусства совершенное построеніе матеріаловъ. Исторія, по словамъ Лукіана, родственница поэзіи, а историкъ долженъ походить на ваятеля, который не создаетъ мрамора или металла, но творчески сообщаетъ имъ прекрасный образъ [5]. Въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ о формахъ, свойственныхъ историческимъ сочиненіямъ и объ отношеніи ихъ къ искусству вообще, высказался складъ ума обоихъ народовъ классической древности. Греки требовали преимущественно поэтической, Римляне риторической стихіи [6]. Послѣдняя, впрочемъ, была неизбѣжна вслѣдствіе того значенія, какое краснорѣчіе имѣло въ античной государственной жизни.

---

[3] Maxime Severus ad consulendum adhibuit eos *qui historiam norant*, requirens quid in talibus causis; quales in disceptatione versabantur, imperatores vel Romani, vel aliarum gentium fecissent. Aelius Lampridius in Sev. c. 16. Можно подумать, что эти опытные въ исторіи мужи составляли родъ тайнаго совѣта при Императорѣ.

[4] L. Otacilius Pilitus (qui Cneium Pompeium M. docuit) primus omnium libertinorum, ut Cornelius Nepos opinatur, scribere historiam orsus, nonnisi ab honestissimo quoque scribi solitam. Sueton. de clar. orator. c. 3.

[5] Quomodo Historia sit conscribenda cap. 45 et 51.

[6] Ulrici, Characteristik der antiken Historiographie. p. 301. 302.

Имѣя такимъ образомъ въ виду или ту сторону духа, на которую дѣйствуетъ искусство, или сферу практической, гражданской дѣятельности, исторія уклонилась отъ строгаго характера науки. Изслѣдованіе въ настоящемъ смыслѣ этого слова, критика фактовъ, почти не существовали. Ихъ мѣсто заступали у великихъ писателей природная, укрѣпленная навыкомъ, способность отличать истинныя извѣстія отъ ложныхъ и вѣрный взглядъ на происшествія. Къ тому же лучшія произведенія древнихъ историковъ суть монографіи, объемлющія одно какое нибудь великое событіе или рядъ связанныхъ между собою внутреннимъ единствомъ явленій. Понятіе о всеобщей исторіи, соединяющей въ одно цѣлое разрозненныя семьи человѣческаго рода, было чуждо языческому міру и могло возникнуть не иначе какъ подъ вліяніемъ Христіанства. Замѣчательная мысль Полибія о недостаточности частныхъ исторій, по которымъ, говоритъ онъ, также мало можно судить объ общемъ ходѣ Исторіи, какъ по отдѣльнымъ членамъ тѣла о красотѣ цѣлаго организма[7], не отозвалась даже въ его собственномъ трудѣ, равно какъ осталось безъ исполненія обѣщаніе Діодора сицилійскаго[8] разсказать судьбы всего міра какъ исторію одного государства. За то простота и опредѣленность содержанія ставили древняго писателя въ весьма свободное отношеніе къ предмету. Одушевленіе, съ какимъ онъ приступалъ къ дѣлу, не охлаждалось предварительною повѣркою многочисленныхъ и разнообразныхъ источниковъ, изъ которыхъ заимствуетъ свои свѣдѣнія новый историкъ. Рѣзко обозначенную цѣль труда не заслоняли сложныя, не прямо къ ней относящіяся явленія. Оукидидъ передалъ намъ въ безсмертномъ твореніи своемъ весь ходъ Пелопонесской войны, но не счелъ нужнымъ упомянуть о внутренней жизни Аѳинъ въ то время, о блестящемъ развитіи искусствъ и науки. Недостатокъ полноты искупается у него единствомъ содержанія и возможною только при такомъ условіи строгою красотою формы. При современныхъ понятіяхъ о задачѣ Историка, по-

[7] Prooem.

[8] I. 3.

добное ограниченіе предмета едва ли можетъ быть допущено. Но древніе, какъ сказано выше, разсматривали событія не съ всемірно-исторической, а съ національной точки зрѣнія, не допускали другой связи явленій кромѣ такъ называемой прагматической и не входили въ разборъ безчисленныхъ пружинъ, которыми движутся человѣческія общества. Они безъ труда подымали легкую ношу историческихъ матеріаловъ завѣщанныхъ имъ предшественниками и смѣло подчиняли ее своимъ личнымъ нравственно-эстетическимъ или гражданскимъ цѣлямъ. Греческій или Римскій историкъ не скрывается за описываемыми имъ событіями: напротивъ, онъ вноситъ въ разсказъ свою личность и употребляетъ все доступное ему искусство для передачи читателямъ собственнаго воззрѣнія на данный предметъ. Не возвышаясь до созерцанія общихъ судебъ человѣчества, древніе свели исторію на степень эпизодическаго изложенія, и оставили въ этой сферѣ великолѣпные памятники, которыхъ недосягаемая красота не должна служить укоромъ новому историку, имѣющему предъ собою рѣшеніе другихъ, болѣе сложныхъ вопросовъ.

Необозримая масса накопившихся въ теченіи тысячелѣтій источниковъ нашей науки можетъ навести страхъ на самаго смѣлаго и предпріимчиваго изслѣдователя. А между тѣмъ эта масса ежедневно увеличивается открытіемъ неизвѣстныхъ памятниковъ, или поступленіемъ въ ученый оборотъ такихъ, на которые до сихъ поръ не было обращено надлежащаго вниманія. У всѣхъ Европейскихъ народовъ замѣтно однообразное стремленіе собрать въ одно цѣлое всѣ сохранившіяся свидѣтельства и преданія о своей старинѣ. Великіе труды французскихъ Бенедиктинцевъ и отдѣльныхъ ученыхъ XVII и XVIII вѣка блѣднѣютъ предъ однородными предпріятіями нашего времени. Просвѣщенное участіе правительствъ даетъ средства къ осуществленію начинаній неисполнимыхъ силами частныхъ лицъ. Одновременно съ превосходными изданіями лѣтописей и государственныхъ актовъ Европейскихъ державъ предпринимаются въ другія части свѣта ученыя экспедиціи, раскрывающія передъ нами тайны погибшихъ цивилизацій и народностей. Безчисленныя

монографіи доводятъ до свѣдѣнія большинства читателей результаты новыхъ открытій и показываютъ ихъ отношенія къ предшествовавшему состоянію науки. Самый кругъ историческихъ источниковъ безпрестанно расширяется. Сверхъ словесныхъ и письменныхъ свидѣтельствъ всякаго рода, отъ народной пѣсни до государственной грамоты, онъ принимаетъ въ себя памятники искусства и вообще всѣ произведенія человѣческой дѣятельности, характеризующія данное время или народъ. Можно, безъ преувеличенія сказать, что нѣтъ науки, которая не входила бы своими результатами въ составъ всеобщей Исторіи, имѣющей передать всѣ видоизмѣненія и вліянія, какимъ подвергалась земная жизнь человѣчества. Но изнемогая съ одной стороны подъ обременительнымъ богатствомъ матеріаловъ, которыхъ одолѣть вполнѣ не въ силахъ никакое трудолюбіе, историкъ часто поставленъ съ другой стороны въ необходимость замѣнять собственными предположеніями и догадками совершенное отсутствіе письменныхъ свидѣтельствъ. Ясно, что, при настоящемъ состояніи исторіи, она должна отказаться отъ притязаній на художественную оконченность формы, возможной только при строгой опредѣленности содержанія, и стремиться къ другой цѣли, т. е. къ приведенію разнородныхъ стихій своихъ подъ одно единство науки.

Совершено ли ею это дѣло? смѣемъ сказать, что нѣтъ. Всѣ вышедшія въ теченіи нынѣшняго столѣтія сочиненія о всеобщей Исторіи, какъ бы ни велика была пріобрѣтенная ими слава, служатъ оправданіемъ нашего отрицательнаго отвѣта. Начиная отъ 24-хъ книгъ о всеобщей исторіи Іоганна Мюллера, такъ мало оправдавшихъ высокія ожиданія возбужденныя именемъ и обѣщаніями автора, до многотомнаго, но незначительнаго и не стоющаго своей извѣстности сочиненія Канту, мы видѣли рядъ болѣе или менѣе неудачныхъ попытокъ осуществить идеалъ всеобщей исторіи. Вмѣнять эту неудачу безсилію писателей было бы несправедливо, въ виду великихъ успѣховъ, совершенныхъ исторіею съ начала нынѣшняго столѣтія. Причины лежатъ глубже. Онѣ заключаются въ отсутствіи строгаго метода и въ недовольно ясномъ сознаніи настоящихъ цѣлей нашей науки.

Величайшій историкъ XIX столѣтія, Нибуръ глубоко чувствовалъ эти недостатки, и никто не можетъ стать на ряду съ нимъ относительно заслугъ оказанныхъ Исторіи. Здѣсь рѣчь идетъ не о результатахъ его изслѣдованій о Римской древности, а объ усовершенствованномъ имъ методѣ исторической критики и о цѣломъ его воззрѣніи на науку. Можно сказать, что критика была до него дѣломъ личнаго таланта, какъ у древнихъ. Превосходство новыхъ заключалось въ большей начитанности и въ пріобрѣтенномъ навыкѣ обращаться съ огромнымъ матеріаломъ. Точныхъ и всѣмъ общихъ пріемовъ не было. Ихъ создалъ Нибуръ, работая надъ Римской исторіею. Замѣтимъ однако, что его постигла участь нерѣдко бывающая удѣломъ великихъ людей на пути открытій и изобрѣтеній. Колумбъ унесъ съ собою въ могилу убѣжденіе, что онъ нашелъ путь къ восточному берегу Азіи. Мнѣніе Нибура о древнѣйшихъ памятникахъ Римской исторіи извѣстно: онъ полагалъ, что эти памятники, содержавшіе въ себѣ самыя положительныя и достовѣрныя свѣдѣнія, подвергались измѣненіямъ и порчѣ подъ перомъ позднѣйшихъ Римскихъ писателей. Задача критики состояла слѣдовательно въ разложеніи риторическихъ разсказовъ Ливія на ихъ простѣйшія составныя части и въ возстановленіи первобытныхъ источниковъ. Такая цѣль очевидно не могла быть достигнута, но преслѣдуя ее, Нибуръ нашелъ настоящіе законы исторической критики. Онъ показалъ намъ, какъ должно разбирать источники и въ какой степени они заслуживаютъ довѣріе. Вліяніе его примѣра не замедлило обнаружиться. Черезъ тринадцать лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ перваго изданія Римской исторіи, явилась критика новыхъ историческихъ писателей Ранке[9], небольшое, но образцовое сочиненіе, въ которомъ съ блестящимъ успѣхомъ приложены къ дѣлу уроки великаго учителя. Въ настоящее время Ранке есть главный представитель исторической критики въ Германіи. Его многочисленные ученики образовали школу, которой дѣятельность устремленная пре-

[9] Leop. Ranke, zur Kritik neuerer Geschichtschreiber. 1824.

имущественно на разработку средневѣковыхъ памятниковъ уже принесла богатые плоды.

Заслуга Нибура не ограничилась впрочемъ введеніемъ новыхъ и точныхъ пріемовъ критики. Еще будучи юношею, въ частной перепискѣ своей, онъ высказалъ нѣсколько смѣлыхъ и плодотворныхъ мыслей о необходимости дать исторіи новыя, заимствованныя изъ естествовѣдѣнія основы [10]. Историческое значеніе человѣческихъ породъ не ускользнуло отъ его вниманія, но ему не привелось развить вполнѣ и приложить къ дѣлу свои предположенія объ этомъ столь важномъ предметѣ. Тѣмъ не менѣе его превосходныя изслѣдованія объ этнографіи Италіи и древняго міра вообще могутъ служить исходною точкою и образцемъ для дальнѣйшихъ трудовъ такого рода.

Около тогоже времени, вопросъ о породахъ началъ занимать пытливые умы внѣ Германіи. Форіель, братья Тьерри и другіе ученые старались объяснить отношенія различныхъ народностей преемственно господствовавшихъ на почвѣ Франціи и Англіи. Они озарили яркимъ свѣтомъ начало средневѣковыхъ народовъ и обществъ, но не рѣшились переступить чрезъ обычныя грани историческихъ изслѣдованій и оставили въ сторонѣ физіологическіе признаки тѣхъ породъ, которыхъ историческія особенности были ими тщательно опредѣлены. Надобно было, чтобы натуралистъ подалъ наконецъ голосъ противъ такаго стѣсненія нашей науки и указалъ на связь ея съ физіологіею. Въ 1829 году, Эдвардсъ (W. F. Edwards) издалъ письмо свое къ Амедею Тьерри о физіологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ и отношеніи ихъ къ исторіи. Это письмо содержитъ въ себѣ полное, изъ сферы естественныхъ наукъ почерпнутое, оправданіе выводовъ, къ которымъ пришли другими путями и совершенно независимо одинъ отъ другаго, Нибуръ и Амедей Тьерри [11]. Снимая съ разсѣянныхъ по лицу западной Европы Галло-

---

[10] Lebensnachrichten über B. G. Niebuhr. I. 44.

[11] Эдвардсъ самъ имѣлъ въ виду только исторію Галловъ Ам. Тьерри. Изслѣдованія Нибура о томъ же предметѣ были, кажется, ему вовсе неизвѣстны.

Кимрскихъ племенъ ихъ новыя имена и доказывая живучесть породъ, Эдвардсъ излагаетъ правила для будущихъ розысканій. Высказанныя имъ по этому поводу мысли были приняты съ общимъ одобреніемъ, но до сихъ поръ еще не принесли желаемой пользы. Въ Англіи, Америкѣ и Франціи существуютъ ученыя этнографическія общества, которыхъ труды значительно подвинули впередъ Антропологію, но не обнаружили надлежащаго вліянія на исторію. Уступки, сдѣланныя историками новымъ требованіямъ, были большею частію внѣшнія. Дальнѣйшее упорство, впрочемъ, невозможно и исторія, по необходимости, должна выступить изъ круга наукъ филолого-юридическихъ, въ которомъ она такъ долго была заключена, на обширное поприще естественныхъ наукъ. Ей нельзя долѣе уклоняться отъ участія въ рѣшеніи вопросовъ, съ которыми связаны не только тайны прошедшаго, но и доступное человѣку пониманіе будущаго. Дѣйствуя за одно съ антропологіею, она должна обозначить границы, до которыхъ достигали въ развитіи своёмъ великія породы человѣчества и показать намъ ихъ отличительныя, данныя природою и проявленныя въ движеніи событій свойства. Каковъ бы ни былъ окончательный выводъ этихъ изслѣдованій, имѣющихъ, быть можетъ, обнаружить историческое безсиліе цѣлыхъ породъ, не призванныхъ къ благороднѣйшимъ формамъ гражданской жизни, онъ принесетъ несомнѣнную пользу наукѣ, ибо сообщитъ ей бо́льшую положительность и точность. Но не одною этою только стороною граничитъ исторія съ естествознаніемъ. Еще древніе замѣтили рѣшительное вліяніе географическихъ условій, климата и природныхъ опредѣленій вообще на судьбу народовъ. Монтескье довелъ эту мысль до такой крайности, что принесъ ей въ жертву самостоятельную дѣятельность духа [12]. Не смотря на то, отношеніе чело-

[12] Съ особенною рѣзкостію высказалъ авторъ Духа законовъ свою мысль въ слѣдующихъ словахъ. On a donc plus de vigueur dans les climats froids. L'action du coeur et la réaction des extrémités des fibres s'y font mieux, les liqueurs sont mieux en équilibre, le sang est plus determiné vers le coeur et réciproquement le coeur a plus de puissance. Cette force plus grande doit produire bien des effets; par exemple, plus de confiance en soi même, c'est à dire plus de courage; plus de connoissance de sa

вѣка къ занимаемой имъ почвѣ и ихъ взаимное дѣйствіе другъ на друга еще никогда не были удовлетворительнымъ образомъ объяснены. Великое твореніе Карла Риттера, [13] принимающаго землю за «храмину устроенную Провидѣніемъ для воспитанія рода человѣческаго» проложило, конечно, новые пути историкамъ нашего времени, но многіе ли воспользовались этими трудными путями и предпочли ихъ прежнимъ, пробитымъ безчисленными предшественниками тропинкамъ? Вошедшій теперь въ употребленіе обычай снабжать историческія сочиненія географическими введеніями, заключающими въ себѣ характеристику театра событій, показываетъ только, что значеніе и успѣхи сравнительнаго землевѣдѣнія обратили на себя вниманіе историковъ и заставили ихъ измѣнить нѣсколько форму своихъ произведеній. Самое содержаніе немного выиграло отъ этого нововведенія. Географическіе обзоры, о которыхъ мы упомянули, рѣдко соединены органически съ дальнѣйшимъ изложеніемъ. Предпославъ труду своему бѣглый очеркъ описываемой страны и ея произведеній, историкъ съ спокойною совѣстію переходитъ къ другимъ, болѣе знакомымъ ему, предметамъ и думаетъ, что вполнѣ удовлетворилъ современнымъ требованіямъ науки. Какъ будто дѣйствіе природы на человѣка не есть постоянное, какъ будто оно не видоизмѣняется съ каждымъ великимъ шагомъ его на пути образованности? Намъ еще далеко не извѣстны всѣ таинственныя нити, привязывающія народъ къ землѣ, на которой онъ выросъ и изъ которой заимствуетъ не только средства физическаго существованія, но значительную часть своихъ нравственныхъ свойствъ. Распредѣленіе произведеній природы на поверхности земнаго шара находится въ тѣснѣйшей связи съ судьбою гражданскихъ обществъ [14]. Одно ра-

---

superiorité, c'est à dire moins de désir de la vengeance; plus d'opinion de sa sureté, c'est à dire plus de franchise, moins de soupçons, de politique et de ruse. Enfin cela doit faire des caractères bien différents. (De l'ésprit des loix. Liv. XIV, 11).

[13] Die Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen oder allgemeine vergleichende Geographie.

[14] См. въ запискахъ Берлинской академіи 1836 года, превосходную, исполненную глубокомысленныхъ замѣчаній статью Риттера: der tellurische Zusammenhang der

стеніе условливаетъ иногда цѣлый бытъ народа. Исторія Ирландіи была бы безспорно иная, если бы картофель не составлялъ главнаго средства пропитанія для ея жителей. Тоже можно сказать о нѣкоторыхъ животныхъ для другихъ странъ. Позвольте мнѣ, ММ. ГГ., привести по этому поводу слова знаменитаго нашего натуралиста, академика Бера.

«Ходъ всемірной Исторіи, говоритъ онъ, опредѣляется внѣшними физическими условіями. Вліяніе отдѣльныхъ личностей въ сравненіи съ ними ничтожно. Онѣ всегда почти приводили только въ исполненіе то, что уже было подготовлено, и, такъ или иначе, а должно было совершиться. Стремленіе установить что нибудь совершенно новое и не подготовленное остается безуспѣшно, или влечетъ за собою только разрушеніе. Никто, конечно, не возмется опредѣлить, какъ сложилась бы исторія человѣчества, если бы физическія свойства обитаемой имъ мѣстности были не тѣ, какія теперь. Но нельзя не обратить вниманія на то, что небольшія отступленія отъ дѣйствительно существующихъ нынѣ свойствъ необходимо были бы причиною очень значительныхъ отклоненій въ ходѣ всемірной исторіи. Если бы, напримѣръ, при неизмѣнности всего остальнаго на поверхности земли, Суэзскій заливъ простирался градусомъ дальше на сѣверъ, то есть достигалъ бы Средиземнаго моря, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что рано установилось бы дѣятельное сообщеніе между берегами Средиземнаго моря и Индіи, не говоря уже о берегахъ Аравіи и Африки. Особенности, которыми запечатлѣна природа человѣка въ Индіи, гораздо раньше смѣшались бы съ особенностями Европы. — Или, не измѣняя очертанія Чермнаго моря, предположимъ, что воды Абиссиніи и окрестныхъ странъ текутъ не въ долину Нила, а кратчайшимъ путемъ прямо въ Чермное море. Для этого надо было только, чтобы мѣстность на сѣверъ отъ Абиссиніи понизилась, отъ запада къ востоку. Тогда исчезъ бы великій путь сообщенія между сѣвернымъ краемъ Африки и ея срединой. Егп-

---

Natur und Geschichte in den Productionen der drei Naturreiche, oder über eine geographische Productenkunde.

нетъ, неоплодотворяемый приносимымъ съ юга органическимъ веществомъ, былъ бы пустыней безплодиѣе Триполиса. Онъ не имѣлъ бы уже вліянія на развитіе Греціи и конечно судьбы народа Израильскаго были бы тогда иныя, которыхъ мы не въ состояніи разгадать. Но за то Абиссинія пришла бы въ тѣсное соприкосновеніе съ южнымъ берегомъ Азіи, и весьма вѣроятно, что тогда развились бы двѣ отдѣльныя, надолго чуждыя другъ другу цивилизаціи, — цивилизація Европы и цивилизація Индійскаго океана, точно такъ, какъ теперь мы не можемъ не признать двѣ отдѣленныя другъ отъ друга, и потому различныя цивилизаціи, — восточную въ Китаѣ, и противоположенную ей на западѣ, которую мы привыкли считать единственною. Желать исчислить слѣдствія еще большихъ измѣненій, значило бы вдаться въ область вымысловъ.»

«Сказаннаго довольно для уразумѣнія той истины, *что когда земная ось получила свое наклоненіе, вода отдѣлилась отъ суши, поднялись хребты горъ и отдѣлили другъ отъ друга страны, — судьба человѣческаго рода была опредѣлена уже напередъ, и что всемірная исторія есть не что иное, какъ осуществленіе этой предопредѣленной участи.* Въ заключеніе постараемся показать въ немногихъ словахъ, что даже и теперь, когда завоеванія въ области наукъ и промышленности дали человѣку столько средствъ покорять себѣ природу, исторія его развитія все еще подчинена той же неизбѣжной судьбѣ.»

«Мы живемъ въ эпоху, когда европейская цивилизація перенеслась на всѣ населенные берега. Нѣкоторыя части Европы, кажется, уже не могутъ доставлять своимъ жителямъ пищу въ желаемомъ изобиліи. Европа начала переселять своихъ, привыкшихъ къ высшимъ формамъ жизни, жителей въ другія части свѣта. Это переселеніе будетъ усиливаться вмѣстѣ съ увѣренностью найти въ другой части свѣта Европейскую образованность и можетъ продолжаться необозримо долгое время, ибо производительность природы въ теплѣйшихъ странахъ, за исключеніемъ областей, лишенныхъ дождя, несравненно сильнѣе, нежели въ средней Европѣ. Маисъ родится обыкновенно самъ-сорокъ, иногда самъ-200 и даже 300;

стеніе условливаетъ иногда цѣлый бытъ народа. Исторія Ирландіи была бы безспорно иная, если бы картофель не составлялъ главнаго средства пропитанія для ея жителей. Тоже можно сказать о нѣкоторыхъ животныхъ для другихъ странъ. Позвольте мнѣ, ММ. ГГ., привести по этому поводу слова знаменитаго нашего натуралиста, академика Бера.

«Ходъ всемірной Исторіи, говоритъ онъ, опредѣляется внѣшними физическими условіями. Вліяніе отдѣльныхъ личностей въ сравненіи съ ними ничтожно. Онѣ всегда почти приводили только въ исполненіе то, что уже было подготовлено, и, такъ или иначе, а должно было совершиться. Стремленіе установить что нибудь совершенно новое и не подготовленное остается безуспѣшно, или влечетъ за собою только разрушеніе. Никто, конечно, не возмется опредѣлить, какъ сложилась бы исторія человѣчества, если бы физическія свойства обитаемой имъ мѣстности были не тѣ, какія теперь. Но нельзя не обратить вниманія на то, что небольшія отступленія отъ дѣйствительно существующихъ нынѣ свойствъ необходимо были бы причиною очень значительныхъ отклоненій въ ходѣ всемірной исторіи. Если бы, напримѣръ, при неизмѣнности всего остальнаго на поверхности земли, Суэзскій заливъ простирался градусомъ дальше на сѣверъ, то есть достигалъ бы Средиземнаго моря, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что рано установилось бы дѣятельное сообщеніе между берегами Средиземнаго моря и Индіи, не говоря уже о берегахъ Аравіи и Африки. Особенности, которыми запечатлѣна природа человѣка въ Индіи, гораздо раньше смѣшались бы съ особенностями Европы. — Или, не измѣняя очертанія Чермнаго моря, предположимъ, что воды Абиссиніи и окрестныхъ странъ текутъ не въ долину Нила, а кратчайшимъ путемъ прямо въ Чермное море. Для этого надо было только, чтобы мѣстность на сѣверъ отъ Абиссиніи понизилась, отъ запада къ востоку. Тогда исчезъ бы великій путь сообщенія между сѣвернымъ краемъ Африки и ея срединой. Еги-

---

Natur und Geschichte in den Productionen der drei Naturreiche, oder über eine geographische Productenkunde.

нетъ, неоплодотворяемый приносимымъ съ юга органическимъ веществомъ, былъ бы пустыней безплодіе Триполиса. Онъ не имѣлъ бы уже вліянія на развитіе Греціи и конечно судьбы народа Израильскаго были бы тогда иныя, которыхъ мы не въ состояніи разгадать. Но за то Абиссинія пришла бы въ тѣсное соприкосновеніе съ южнымъ берегомъ Азіи, и весьма вѣроятно, что тогда развились бы двѣ отдѣльныя, надолго чуждыя другъ другу цивилизаціи, — цивилизація Европы и цивилизація Индійскаго океана, точно такъ, какъ теперь мы не можемъ не признать двѣ отдѣленныя другъ отъ друга, и потому различныя цивилизаціи, — восточную въ Китаѣ, и противоположенную ей на западѣ, которую мы привыкли считать единственною. Желать исчислить слѣдствія еще большихъ измѣненій, значило бы вдаться въ область вымысловъ.»

«Сказаннаго довольно для уразумѣнія той истины, *что когда земная ось получила свое наклоненіе, вода отдѣлилась отъ суши, поднялись хребты горъ и отдѣлили другъ отъ друга страны, — судьба человѣческаго рода была опредѣлена уже напередъ, и что всемірная исторія есть не что иное, какъ осуществленіе этой предопредѣленной участи.* Въ заключеніе постараемся показать въ немногихъ словахъ, что даже и теперь, когда завоеванія въ области наукъ и промышленности дали человѣку столько средствъ покорять себѣ природу, исторія его развитія все еще подчинена той же неизбѣжной судьбѣ.»

«Мы живемъ въ эпоху, когда европейская цивилизація перенеслась на всѣ населенные берега. Нѣкоторыя части Европы, кажется, уже не могутъ доставлять своимъ жителямъ пищу въ желаемомъ изобиліи. Европа начала переселять своихъ, привыкшихъ къ высшимъ формамъ жизни, жителей въ другія части свѣта. Это переселеніе будетъ усиливаться вмѣстѣ съ увѣренностью найти въ другой части свѣта Европейскую образованность и можетъ продолжаться необозримо долгое время, ибо производительность природы въ теплѣйшихъ странахъ, за исключеніемъ областей, лишенныхъ дождя, несравненно сильнѣе, нежели въ средней Европѣ. Маисъ родится обыкновенно самъ-сорокъ, иногда самъ-200 и даже 500;

Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ предположеній Кенигсбергскаго ботаника, но приведенныя мною слова академика Бера достаточно показываютъ важность естествовѣдѣнія въ приложеніи къ исторіи. Къ сожалѣнію, ученые, посвятившіе себя исключительно послѣдней наукѣ, еще не въ силахъ выполнить великой задачи, имъ предстоящей. Углубляясь въ изученіе письменныхъ и словесныхъ памятниковъ прошедшаго, они не рѣшаются приступить къ источникамъ другаго рода, начертаннымъ рукою самого Творца. Содержаніе исторіи составляютъ до сихъ поръ дѣла человѣческой воли отрѣшенныя отъ ихъ необходимой, можно сказать роковой основы, которую не должно смѣшивать съ законами развитія духа, выведенными à priori философіею исторіи. Слабая сторона философіи исторіи, въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ настоящее время, заключается, по нашему мнѣнію, въ приложеніи логическихъ законовъ къ отдѣльнымъ періодамъ всеобщей исторіи. Осуществленіе этихъ законовъ можетъ быть показано только въ цѣломъ, а не въ частяхъ, какъ бы онѣ ни были значительны. Но сверхъ логической необходимости есть въ исторіи другая, которую можно назвать естественною, лежащая въ основаніи всѣхъ важныхъ явленій народной жизни. Ей нѣтъ мѣста въ умозрительномъ построеніи исторіи; ее нельзя вывести изъ законовъ разума, но ее нельзя также отнести къ сферѣ случайности, потому что она принадлежитъ къ числу главныхъ, опредѣляющихъ развитіе нашихъ судебъ, двигателей исторіи [16].

---

[16] Мы позволимъ себѣ привести по этому поводу слѣдующія замѣчанія заимствованныя изъ весьма умной, необратившей на себя должнаго вниманія книги Гиврихсена (Die Germanisten und die Wege der Geschichte. Kopenhagen, 1848): «при чисто логическомъ пониманіи исторіи, мы никогда не достигнемъ до глубокаго уразумѣнія отдѣльныхъ явленій и ихъ значенія въ цѣломъ. Все совершается ради начала, а начало заключается въ результатѣ. Такимъ образомъ естественныя и нравственныя причины вытѣсняются логическими: естественныя, потому что не имѣютъ никакой самостоятельности предъ логическимъ разумомъ, нравственныя, потому что лице является только орудіемъ духа времени или вслѣдствіе необходимости осуществляющагося начала. Вообще всякая попытка построенія исто-

Быть можетъ, ни одна наука не подвергается въ такой степени вліянію господствующихъ философскихъ системъ, какъ исторія. Вліяніе это обнаруживается часто противъ воли самихъ историковъ, упорно отстаивающихъ мнимую самостоятельность своей науки. Содержаніе каждой философской системы рано или поздно дѣлается общимъ достояніемъ, переходя въ область примѣненій, въ литературу, въ ходячія мнѣнія образованныхъ сословій. Изъ этой окружающей его умственной среды заимствуетъ историкъ свою точку зрѣнія и мѣрило, прилагаемое имъ къ описываемымъ событіямъ и дѣламъ. Между такимъ неизбѣжнымъ и нерѣдко безсо-

---

ріи на метафизическихъ основахъ мнѣ кажется слишкомъ смѣлою. Съ одной стороны, я не считаю конечнаго разума способнымъ къ такому дѣлу, съ другой мы нѣкоторымъ образомъ насилуемъ исторію, которая какъ развитіе замкнутаго въ себѣ организма должна быть изучаема въ сущности своей, въ свойственныхъ ей законахъ, въ предѣлахъ и условіяхъ поставленныхъ ей природою. Природа не есть только предшественница исторіи и театръ, на которомъ совершаются судьбы человѣчества; она постоянная спутница духа, съ которымъ дѣйствуетъ въ гармоническомъ союзѣ. Человѣкъ, какъ естественное, конечное существо, и человѣчество, какъ конечный организмъ, подчинены, съ начала вѣковъ, ея великимъ, неизмѣннымъ законамъ. Она дѣйствовала до начала исторіи и можетъ пережить ее. Поэтому, я думаю, что исходною точкою должна намъ служить естественная сторона исторіи и что изученію нравственныхъ и логическихъ причинъ должно предшествовать опредѣленіе естественныхъ.» стр. 7 — 9. Но Гинрихсенъ потомъ противорѣчитъ себѣ, относя эти предварительныя изслѣдованія не къ самой исторіи, а къ философіи исторіи. Какъ будто послѣдняя можетъ существовать отдѣльно отъ первой? Подобное же противорѣчіе встрѣчается у Нибура. Признавая вполнѣ вліяніе природы на исторію, онъ говоритъ, между прочимъ, что «исторія болѣзней есть весьма важная, но еще не обработанная отрасль всемірной исторіи. Цѣлые отдѣлы исторіи объясняются прекращеніемъ или появленіемъ заразительныхъ болѣзней. Онѣ обнаруживаютъ величайшее вліяніе на нравственный міръ; почти всѣ великіе эпохи нравственнаго упадка совпадаютъ съ великими заразами.» (Чтенія о древней исторіи, 11, 64. Сравн. переписку 11, 167). Такихъ мѣстъ можно привести много; но въ введеніи къ чтеніямъ о древней исторіи, Нибуръ доказываетъ необходимость отдѣлить отъ настоящей исторіи находящіяся въ связи съ нею явленія природы, которыя, по его мнѣнію, должны войти въ составъ особой науки. Какой же? Отсюда, впрочемъ, видно, какъ мало опредѣлены границы нашей науки и какъ сбивчивы въ этомъ отношеніи понятія нашихъ историковъ.

Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ предположеній Кенигсбергскаго ботаника, но приведенныя мною слова академика Бера достаточно показываютъ важность естествовѣдѣнія въ приложеніи къ исторіи. Къ сожалѣнію, ученые, посвятившіе себя исключительно послѣдней наукѣ, еще не въ силахъ выполнить великой задачи, имъ предстоящей. Углубляясь въ изученіе письменныхъ и словесныхъ памятниковъ прошедшаго, они не рѣшаются приступить къ источникамъ другаго рода, начертаннымъ рукою самого Творца. Содержаніе исторіи составляютъ до сихъ поръ дѣла человѣческой воли отрѣшенныя отъ ихъ необходимой, можно сказать роковой основы, которую не должно смѣшивать съ законами развитія духа, выведенными a priori философіею исторіи. Слабая сторона философіи исторіи, въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ настоящее время, заключается, по нашему мнѣнію, въ приложеніи логическихъ законовъ къ отдѣльнымъ періодамъ всеобщей исторіи. Осуществленіе этихъ законовъ можетъ быть показано только въ цѣломъ, а не въ частяхъ, какъ бы онѣ ни были значительны. Но сверхъ логической необходимости есть въ исторіи другая, которую можно назвать естественною, лежащая въ основаніи всѣхъ важныхъ явленій народной жизни. Ей нѣтъ мѣста въ умозрительномъ построеніи исторіи; ее нельзя вывести изъ законовъ разума, но ее нельзя также отнести къ сферѣ случайности, потому что она принадлежитъ къ числу главныхъ, опредѣляющихъ развитіе нашихъ судебъ, двигателей исторіи [16].

---

[16] Мы позволимъ себѣ привести по этому поводу слѣдующія замѣчанія заимствованныя изъ весьма умной, необратившей на себя должнаго вниманія книги Гинрихсена (Die Germanisten und die Wege der Geschichte. Kopenhagen, 1848): «при чисто логическомъ пониманіи исторіи, мы никогда не достигнемъ до глубокаго уразумѣнія отдѣльныхъ явленій и ихъ значенія въ цѣломъ. Все совершается ради начала, а начало заключается въ результатѣ. Такимъ образомъ естественныя и нравственныя причины вытѣсняются логическими: естественныя, потому что не имѣютъ никакой самостоятельности предъ логическимъ разумомъ, нравственныя, потому что лице является только орудіемъ духа времени или вслѣдствіе необходимости осуществляющагося начала. Вообще всякая попытка построенія исто-

Быть можетъ, ни одна наука не подвергается въ такой степени вліянію господствующихъ философскихъ системъ, какъ исторія. Вліяніе это обнаруживается часто противъ воли самихъ историковъ, упорно отстаивающихъ мнимую самостоятельность своей науки. Содержаніе каждой философской системы рано или поздно дѣлается общимъ достояніемъ, переходя въ область примѣненій, въ литературу, въ ходячія мнѣнія образованныхъ сословій. Изъ этой окружающей его умственной среды заимствуетъ историкъ свою точку зрѣнія и мѣрило, прилагаемое имъ къ описываемымъ событіямъ и дѣламъ. Между такимъ неизбѣжнымъ и нерѣдко безсо-

---

ріи на метафизическихъ основахъ мнѣ кажется слишкомъ смѣлою. Съ одной стороны, я не считаю конечнаго разума способнымъ къ такому дѣлу, съ другой мы нѣкоторымъ образомъ насилуемъ исторію, которая какъ развитіе замкнутаго въ себѣ организма должна быть изучаема въ сущности своей, въ свойственныхъ ей законахъ, въ предѣлахъ и условіяхъ поставленныхъ ей природою. Природа не есть только предшественница исторіи и театръ, на которомъ совершаются судьбы человѣчества; она постоянная спутница духа, съ которымъ дѣйствуетъ въ гармоническомъ союзѣ. Человѣкъ, какъ естественное, конечное существо, и человѣчество, какъ конечный организмъ, подчинены, съ начала вѣковъ, ея великимъ, неизмѣннымъ законамъ. Она дѣйствовала до начала исторіи и можетъ пережить ее. Поэтому, я думаю, что исходною точкою должна намъ служить естественная сторона исторіи и что изученію нравственныхъ и логическихъ причинъ должно предшествовать опредѣленіе естественныхъ.» стр. 7 — 9. Но Гиприхсенъ потомъ противорѣчитъ себѣ, относя эти предварительныя изслѣдованія не къ самой исторіи, а къ философіи исторіи. Какъ будто послѣдняя можетъ существовать отдѣльно отъ первой? Подобное же противорѣчіе встрѣчается у Нибура. Признавая вполнѣ вліяніе природы на исторію, онъ говоритъ, между прочимъ, что «исторія болѣзней есть весьма важная, но еще не обработанная отрасль всемірной исторіи. Цѣлые отдѣлы исторіи объясняются прекращеніемъ или появленіемъ заразительныхъ болѣзней. Онѣ обнаруживаютъ величайшее вліяніе на нравственный міръ; почти всѣ великіе эпохи нравственнаго упадка совпадаютъ съ великими заразами.» (Чтенія о древней исторіи, 11, 64. Сравн. переписку 11, 167). Такихъ мѣстъ можно привести много; но въ введеніи къ чтеніямъ о древней исторіи, Нибуръ доказываетъ необходимость отдѣлить отъ настоящей исторіи находящіяся въ связи съ нею явленія природы, которыя, по его мнѣнію, должны войти въ составъ особой науки. Какой же? Отсюда, впрочемъ, видно, какъ мало опредѣлены границы нашей науки и какъ сбивчивы въ этомъ отношеніи понятія нашихъ историковъ.

знательнымъ подчиненіемъ фактовъ взятому извнѣ воззрѣнію и логическимъ построеніемъ исторіи большое разстояніе. Съ конца прошедшаго столѣтія, философія исторіи не переставала предъявлять правъ своихъ на независимое отъ фактической исторіи значеніе. Успѣхъ не оправдалъ этихъ притязаній. Скажемъ болѣе, философія исторіи едвали можетъ быть предметомъ особеннаго, отдѣльнаго отъ всеобщей исторіи изложенія. Ей принадлежитъ по праву глава въ феноменологіи духа, но спускаясь въ сферу частныхъ явленій, нисходя до ихъ оцѣнки, она уклоняется отъ настоящаго своего призванія заключающагося въ опредѣленіи общихъ законовъ, которымъ подчинена земная жизнь человѣчества и неизбѣжныхъ цѣли историческаго развитія. Всякое покушеніе съ ея стороны провести рѣзкую черту между событіями логически необходимыми и случайными можетъ повести къ значительнымъ ошибкамъ и будетъ болѣе или менѣе носить на себѣ характеръ произвола, потому что великія событія, какъ бы они ни были далеки отъ насъ, продолжаютъ совершаться въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, т. е. въ своихъ результатахъ, и никакъ не должны быть разсматриваемы, какъ нѣчто замкнутое и вполнѣ оконченное. Лучшимъ подтвержденіемъ высказаннаго нами мнѣнія о невозможности отдѣльной философіи исторіи могутъ служить чтенія Гегеля объ этомъ предметѣ, изданныя по смерти его Гансомъ. Это произведеніе знаменитаго мыслителя не удовлетворило самыхъ горячихъ его почитателей, потому что оно есть ни что иное какъ отрывочное и невсегда въ частностяхъ вѣрное изложеніе всеобщей исторіи, вставленной въ раму произвольнаго построенія [17].

[17] Всѣмъ извѣстно принятое Гегелемъ раздѣленіе всеобщей исторіи на четыре періода: Восточный, Греческій, Римскій, Германскій. Первый соотвѣтствуетъ дѣтству, второй юности, третій зрѣлости, слѣдовательно четвертый совпадаетъ съ старостію рода человѣческаго. Но Гегель отнюдь не то доказываетъ, противорѣча собственному построенію. Къ тому же названіе Германскаго вовсе не характеризуетъ всего содержанія 14 вѣковъ, прошедшихъ съ паденія западной Римской имперіи. Надобно впрочемъ замѣтить, что самыя мѣткія и глубокія мысли объ исторіи высказаны Гегелемъ не въ философіи исторіи, а въ другихъ сочиненіяхъ, какъ-то: въ феноменологіи духа, въ эстетикѣ, философіи права и т. д.

Смутно понятая, философская мысль о господствующей въ ходѣ историческихъ событій необходимости или законности, приняла подъ перомъ нѣкоторыхъ, впрочемъ весьма даровитыхъ писателей, характеръ фатализма. Во Франціи, образовалась цѣлая школа съ этимъ направленіемъ, котораго вліяніе обозначено печальными слѣдами не только въ наукѣ, но и въ жизни. Школа историческаго фатализма снимаетъ съ человѣка нравственную отвѣтственность за его поступки, обращая его въ слѣпое, почти безсознательное орудіе роковыхъ предопредѣленій. Властителемъ судебъ народныхъ явился снова античный fatum, отрѣшенный отъ своего трагическаго величія, низведенный на степень неизбѣжнаго политическаго развитія. Въ противоположность древнимъ трагикамъ, которые возлагали на чело своихъ обреченныхъ гибели героевъ вѣнецъ духовной побѣды надъ неотразимымъ въ мірѣ внѣшнихъ явленій рокомъ, историки, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь видятъ въ успѣхѣ конечное оправданіе, въ неудачѣ приговоръ всякаго историческаго подвига. Смѣемъ сказать, что такое воззрѣніе на исторію послужитъ будущимъ поколѣніямъ горькою уликою противъ усталаго и утратившаго вѣру въ достоинство человѣческой природы общества, среди котораго оно возникло.

Систематическое построеніе исторіи вызвало противниковъ, которые вдались въ другую крайность. Защищая факты противъ самоуправнаго обращенія съ ними, они называютъ всякую попытку внести въ хаосъ событій единство связующихъ и объясняющихъ ихъ идеи искаженіемъ непосредственной исторической истины. Дѣло историка должно, по ихъ мнѣнію, заключаться въ вѣрной передачѣ того, что было, т. е. въ разсказѣ. Слова Квинтиліяна: scribitur ad narrandum non ad probandum, служащія эпиграфомъ къ извѣстному сочиненію Баранта о герцогахъ Бургундскихъ, получаютъ такимъ образомъ приложеніе ко всей безконечной области всеобщей исторіи. На историка возлагается обязанность воздерживаться отъ собственныхъ сужденій въ пользу читателей, которымъ исключительно предоставлено право выводить заключенія и толковать по своему содержаніе предложенныхъ имъ разсказовъ. Нужноли обличать сла-

ясность лежащія въ глубинѣ нашего духа истины, ни къ прикладнымъ, которыхъ польза не требуетъ доказательствъ. Очевидно, что практическое значеніе исторіи у древнихъ, основанное на возможности непосредственнаго примѣненія ея уроковъ къ жизни, не можетъ имѣть мѣста при сложномъ организмѣ новыхъ обществъ. Къ тому же однообразная игра страстей и заблужденій, искажающихъ судьбу народовъ, привела многихъ къ заключенію, что историческіе опыты проходятъ безплодно, не оставляя поучительнаго слѣда въ памяти человѣческой. Высказавъ эту мысль, какъ безусловную истину, Гегель [19] вызвалъ противъ нея много не лишенныхъ справедливости возраженій. Конечно, ни народы, ни ихъ вожди не повѣряютъ поступковъ своихъ съ учебниками всеобщей исторіи и не ищутъ въ ней примѣровъ и указаній для своей дѣятельности. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать въ самихъ массахъ извѣстнаго историческаго смысла болѣе или менѣе развитаго на основаніи сохранившихся преданій о прошедшемъ. Въ лицахъ, стоящихъ во главѣ государственнаго управленія, этотъ смыслъ переходитъ, по необходимости, въ отчетливое сознаніе отношеній существующихъ между прежнимъ и новымъ порядкомъ вещей. Надобно съ другой стороны признаться, что всеобщая исторія въ томъ видѣ, въ какомъ она обыкновенно излагается, не въ состояніи сильно дѣйствовать на общественное мнѣніе и быть для него источникомъ прочнаго назиданія. Слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что недостатки, нами отчасти указанные, останутся ея всегдашнею принадлежностію, что ея успѣхи будутъ состоять только во внѣшнемъ накопленіи фактовъ и что изъ всѣхъ наукъ одна она утратила способность живаго движенія и органическаго развитія?

Приведенныя нами выше слова Кетле о статистикѣ со временемъ получатъ приложеніе и къ нашей наукѣ. Ей предстоитъ совершить для міра нравственныхъ явленій тотъ же подвигъ, какой совершенъ естествовѣдѣніемъ въ принадлежащей ему области. Открытія натуралистовъ разсѣяли вѣковые и вредные предразсудки,

---

[19] Въ введеніи къ Философіи Исторіи, стр. 9.

затмѣвавшіе взглядъ человѣка на природу: знакомый съ ея дѣйствительными силами, онъ пересталъ приписывать ей несуществующія свойства и не требуетъ отъ нея невозможныхъ уступокъ. Уясненіе историческихъ законовъ приведетъ къ результатамъ такого же рода. Оно положитъ конецъ несбыточнымъ теоріямъ и стремленіямъ, нарушающимъ правильный ходъ общественной жизни, ибо обличитъ ихъ противорѣчіе съ вѣчными цѣлями, поставленными человѣку провидѣніемъ. Исторія сдѣлается въ высшемъ и обширнѣйшемъ смыслѣ, чѣмъ у древнихъ, наставницею народовъ и отдѣльныхъ лицъ и явится намъ не какъ отрѣзанное отъ насъ прошедшее, но какъ цѣльный организмъ жизни, въ которомъ прошедшее, настоящее и будущее находятся въ постоянномъ между собою взаимодѣйствіи. Исторія, говоритъ американецъ Эмерсонъ, не долго будетъ безплодною книгою. Она воплотится въ каждомъ разумномъ и правдивомъ человѣкѣ. Вы не станете болѣе исчислять заглавія и каталоги прочитанныхъ вами книгъ, а дадите мнѣ почувствовать, какіе періоды пережиты вами. Каждый изъ насъ долженъ обратиться въ полный храмъ славы. Онъ долженъ носить въ себѣ допотопный міръ, золотой вѣкъ, яблоко знанія, походъ Аргонавтовъ, призваніе Авраама, построеніе Храма, начало Христіанства, средній вѣкъ, возрожденіе наукъ, реформацію, открытіе новыхъ земель, возникновеніе новыхъ знаній и новыхъ народовъ. Надобно, однимъ словомъ, чтобы исторія слилась съ біографіею самаго читателя, превратилась въ его личное воспоминаніе. Міръ, продолжаетъ тотъ же писатель, существуетъ для нашего воспитанія. Нѣтъ возраста или состоянія общества, нѣтъ образа дѣйствія въ исторіи, которые не соотвѣтствовали бы чему нибудь въ жизни отдѣльнаго лица. Каждый фактъ сокращается и уступаетъ намъ часть своей сущности. Человѣкъ долженъ понять, что онъ можетъ жить всею жизнію исторіи. Ему слѣдуетъ только измѣнить точку зрѣнія, съ какой обыкновенно смотрятъ на минувшее и отнести къ самому себѣ исторію Рима, Аѳинъ и Лондона, и не забывать, что онъ верховный судъ, передъ которымъ рѣшаются тяжбы народовъ. Онъ долженъ достигнуть и устоять на той высотѣ, гдѣ раскрывается сокровенный смыслъ событій, гдѣ сли-

вится поэзія и быль. Потребность разума и цѣль природы выражаются въ томъ употребленіи, какое мы дѣлаемъ изъ самыхъ знаменитыхъ историческихъ разсказовъ. Рѣзкія очертанія событій расплываются въ вѣчномъ свѣтѣ времени. Нѣтъ якорей, канатовъ или оградъ, которые были бы въ состояніи навсегда удержать фактъ на степени факта. Вавилонъ, Троя, Тиръ, даже первобытный Римъ, уже перешли въ область вымысловъ. Но внутренній смыслъ и содержаніе этихъ явленій живутъ во мнѣ и я нахожу въ себѣ самомъ Палестину, Грецію, Италію, духъ всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ.»

Даже въ настоящемъ, далеко несовершенномъ видѣ своемъ, всеобщая исторія, болѣе чѣмъ всякая другая наука, развиваетъ въ насъ вѣрное чувство дѣйствительности и ту благородную терпимость, безъ которой нѣтъ истинной оцѣнки людей. Она показываетъ различіе, существующее между вѣчными, безусловными началами нравственности и ограниченнымъ пониманіемъ этихъ началъ въ данный періодъ времени. Только такою мѣрою должны мы мѣрить дѣла отжившихъ поколѣній. Шиллеръ сказалъ, что смерть есть великій примиритель. Эти слова могутъ быть отнесены къ нашей наукѣ. При каждомъ историческомъ проступкѣ, она приводитъ обстоятельства смягчающія вину преступника, чтобъ онъ былъ онъ — цѣлый народъ или отдѣльное лицо. Да будетъ намъ позволено сказать, что тотъ не историкъ, кто не способенъ перенести въ прошедшее живаго чувства любви къ ближнему и узнать брата въ отдѣленномъ отъ него вѣками поколѣніи. Тотъ не историкъ, кто не съумѣлъ прочесть въ изучаемыхъ имъ лѣтописяхъ и грамотахъ начертанныя въ нихъ яркими буквами истины: въ самыхъ позорныхъ періодахъ жизни человѣчества есть искупительныя, видимыя намъ на разстояніи столѣтій стороны, и на днѣ самаго грѣшнаго предъ судомъ современниковъ сердца таится какое нибудь одно лучшее и чистое чувство. Такое воззрѣніе не можетъ служить къ ущербу строгой справедливости приговоровъ, ибо оно требуетъ не оправданій, а объясненій, обращается къ самимъ лицамъ, а не къ подлежащимъ суждѣнію дѣламъ ихъ. Одно изъ главныхъ препятствій, мѣшающихъ благотворному дѣйствію исторіи на общественное мнѣніе, заключается въ пре-

небреженіи, какое историки обыкновенно оказываютъ къ большинству читателей. Они, по видимому, пишутъ только для ученыхъ, какъ будто исторія можетъ допустить такое ограниченіе, какъ будто она по самому существу своему не есть самая популярная изъ всѣхъ наукъ, призывающая къ себѣ всѣхъ и каждаго. Къ счастію, узкія понятія о мнимомъ достоинствѣ науки, унижающей себя исканіемъ изящной формы и общедоступнаго изложенія, возникшія въ удушливой атмосферѣ нѣмецкихъ ученыхъ кабинетовъ, не свойственны Русскому уму, любящему свѣтъ и просторъ. Цеховая, гордая своею исключительностію, наука не въ правѣ расчитывать на его сочувствіе. Здѣсь, разумѣется, рѣчь идетъ не о тѣхъ достойныхъ всякаго уваженія, но по самому содержанію своему не допускающихъ занимательности частныхъ изслѣдованіяхъ, безъ которыхъ не могла бы двигаться впередъ наука, хотя она употребляетъ ихъ въ дѣло только какъ матеріалъ.

Превосходные труды, совершенные въ теченіи текущаго столѣтія Русскими учеными на поприщѣ отечественной исторіи, служатъ надежною порукою за ихъ успѣхи, на болѣе обширномъ полѣ всеобщей исторіи. Особенныя условія, въ которыя Провидѣнію угодно было поставить нашу родину, должны оказать могущественное содѣйствіе къ осуществленію высказанной нами надежды. Ясный отъ природы и не спутанный вліяніемъ сложнаго, составившагося изъ борьбы враждебныхъ общественныхъ стихій историческаго развитія, умъ Русскаго человѣка приступитъ безъ заднихъ мыслей къ разбору преданій, съ которыми болѣе или менѣе связано личное дѣло каждаго Европейца. Я говорю, въ этомъ случаѣ, не о томъ позорномъ и не достойномъ историка безпристрастіи, въ которомъ видно только отсутствіе участія къ предмету разсказа, а о свободномъ отъ всякихъ предубѣжденій воззрѣніи на спорные историческіе вопросы. Тревоги, взволновавшія до дна западныя государства, отразились въ понятіяхъ тамошнихъ народовъ и трудахъ историковъ, утратившихъ вѣру въ идею, замѣнившихъ ее нечестивымъ поклоненіемъ факту. Скептицизмъ отличительный признакъ старѣющихъ, усталыхъ обществъ, не коснулся насъ. Мы сохранили свѣжесть серд-

ца и теплоту пониманія, безъ которыхъ нѣтъ великихъ подвиговъ ни въ сферѣ мысли, ни въ сферѣ дѣйствительности. Да не пройдутъ же безплодно досуги, дарованные намъ благимъ Провидѣніемъ. Сорокъ вѣковъ смотрятъ на васъ съ вершинъ пирамидъ, сказалъ въ Египтѣ Наполеонъ своимъ солдатамъ. Мы также юные ратники на ветхой почвѣ исторіи; съ вершинъ прошедшаго на насъ также смотрятъ столѣтія, но смѣемъ думать, что мы прочтемъ въ ихъ очахъ не то, что прочли въ нихъ воины Французской республики.

Наука есть прихотливое растеніе. Она зрѣетъ не на всякой почвѣ и требуетъ тщательнаго ухода за собою. Условія успѣшнаго роста даны ей у насъ Державнымъ Покровителемъ Русскаго просвѣщенія. Нужно ли вычислять памятныя всѣмъ намъ великія дѣла, совершенныя на этомъ поприщѣ въ правленіе Императора Николая? Но Русскій профессоръ исторіи не можетъ не помянуть съ благоговѣйною признательностію о Царственномъ участіи въ судьбахъ его науки, столь величаво выраженномъ въ милостяхъ оказанныхъ творцу исторіи Государства Россійскаго и въ дарованныхъ Русскому народу памятникахъ его прошедшей жизни.

QUAEDAM DE PRIMA HOMINIS EDUCATIONE.

QUAEDAM DE PRIMA HOMINIS EDUCATIONE.

=

ORATIO,

QUAM IN SOLEMNIBUS ANNIVERSARIIS

UNIVERSITATIS CAESAREAE MOSQUENSIS,

DIE XII MENSIS JANUARII, MDCCCLII,

HABUIT

AL. POLUNIN,

MED. DR., PROF. EXTRAORD.

QUAEDAM DE PRIMA HOMINIS EDUCATIONE.

Quum a senatu Universitatis CAESAREAE Mosquensis mihi mandatum esset, ut hoc die, ex more nostro, in tanto tot omnium ordinum ornatissimorum virorum coetu aliquid ex hoc loco proponerem: educationem, quo argumento et attentione vestra, viri spectatissimi, nihil dignius et solemni huic anniversario nihil accommodatius invenio, mihi sumere non dubitavi. Nam et amplissima haec literarum optimarum et artium liberalium sedes, quae hodie nonagesimum septimum annum expletum solitis caeremoniis celebrat, itaque jam totum prope intra saeculum magistros, jurisconsultos, medicos, in universum viros ad unumquodque, quod ab IMPERATORE et patria injungitur, munus idoneos suppeditat, optime de juvenum disciplina et studiis merita est. Et vos, omnium optimarum rerum optimi fautores, quamvis alium ob aliam caussam, omnes tamen pari educationis studio atque amore incensos huc convenisse intelligo, quum alii vestrum ipsi in Universitate hac CAESAREA literis imbuti sint, alii liberos omnibus bonis artibus erudiendos ei tradiderint, alii, neutra quidem re gaudentes, nihilo tamen minus optimae cujusque institutionis religiosissimi cultores, eodem amore hujus optimarum literarum sedis ac ceteri flagrare videantur.

Atque de juventutis educatione hoc die et ab aliis jam actum est, neque ullum dubium est, quin etiam in posterum haec eadem res hodiernis comitiis non semel tractetur. Quum enim nobis, qui solemne anniversarium oratione celebrare solemus, sanctissimum juvenum ad omnia imperii munera capessenda instituendorum officium injunctum sit,

QUAEDAM DE PRIMA HOMINIS EDUCATIONE.

=

ORATIO,

QUAM IN SOLEMNIBUS ANNIVERSARIIS

UNIVERSITATIS CAESAREAE MOSQUENSIS,

DIE XII MENSIS JANUARII, MDCCCLII,

HABUIT

AL. POLUNIN,

MED. DR., PROF. EXTRAORD.

modum hujus adjumenti, quod ex usu ejus frequenti exsistere possit; diligentissime vitandum esse contendo. Fit enim non raro, ut, sanguine misso, vires feminae ita frangantur, ut partus actus, utero vi ad fetum educendum necessaria carente, molestus sit, quam ob rem ad artis adjumentum confugiendum est; fetu vero edito, si nimius sanguis missus erat, debilis femina atque ad infantem nutriendum non idonea fit. Nam mammae parum lactis suppeditant, et ipsa mater alimento infanti offerendo enervatur.

Donec infans in utero matris est, tanquam pars matris succo ejus vivit, neque spiritum ducit, neque cibum sumit. Fluido, non aëre, circumdatus est. Temperatura loci, quem habitat, semper eadem est, corpori cum ejus, tum et matris communis. Simulac lucem adspexit, matrem jam relinquit, et statim aëre eget, statim spiritum ducit, id quod necessarium nunc ei fit, quia non jam amplius sanguinem matris communicat. Nova igitur ut infans prodiit agendi necessitudine organismo ejus opus est; propius advena ad rerum naturam accedit et cum ea arctissimo vinculo conjungitur, ipse jam oxygenium ex aëre sumere, acidum carbonicum, aquam reddere incipit. Aëris temperatura, quo infans, postquam lucem adspexit, circumfunditur, temperatura corporis ejus asperior esse solet et praeterea non semper eundem tenorem servat. Oculi infantis jam luci expositi sunt. Proprii succi nutritii substantias consumens et a matre jam disjunctus, celeriter cibi sumendi necessitatem sentit, qua in occasione quum digestionis organa, tum et ea, quibus in genere sanguis formatur, novis muneribus fungi incipiunt. Quibus omnibus recte intellectis, quis invenietur, qui novum advenam lucem adspicere pristinis conditionibus vitae subito mutatis non videat? Hic subito mutatus rerum status corporis aliquam partem molestia interdum afficit. Viae aëreae, cutis, textus cellulosus subcutaneus, ob aërem, cujus temperatura mutata est, affici solent. Crescit aliquando malum et majorem organorum partem pervagatur, si aër non purus est, si quaedam putrefactionis producta aliasque res valetudini hominis infestas continet. Oculi quoque quum ob hanc, quam statim monstravi caussam, tum et ob lucem nimium inflammantur. Digestionis organa pro cibi genere,

quo infans nunc utitur, novo munere pejus meliusve fünguntur. Quis enim nescit, recentem a partu infantem digestionis organorum morbis saepissime affligi?

Quae mala ut vitentur, aër cubiculi, quod infans habitabit, ne sit corruptus, providendum est, praeterea temperatura aëris, cunabula, vestis, cibus et alia similia parentibus sint curae.

Cibus succum nutritium infantis, id est sanguinem, suppeditare debet. Sanguis et res ad calorem vitalem fovendum necessarias continet et materias ad textus infantis nutriendos ministrat. Sanguinem substantias albuminosas, substantias adipis, principium colorans, sales, aquam continere constat. Quae omnia quum ad respirationem et nutricationem infantis maximi sint momenti: cibum vel ea ipsa, vel res, e quibus haec omnia formantur, continere debere necessario consequitur. Animantis organismus non solum ex uno elemento alterum, verum etiam aliquid complexius ex elementis efficere et formare non potest. Ita substantiarum albuminosarum aut substantiae adipis ex elementis formandarum hominis organismus impotens est. Natura nuper nato infanti matris lac alimentum sumere praescripsit, quod hanc ob rem omnia ad sanguinem renovandum necessaria, ut substantiam albuminosam, substantias adipis, saccharum, aquam, sales continet. Unde infantem, quamquam matre relicta, succo ejus tamen egere non posse, quisque facillime perspicit. Lac corporis matris organo, quod mamma dicitur, praeparatur. Primis jam graviditatis mensibus glandula haec paullatim tumescere incipit, eaque magis magisque tumescente, lac denique stillat, quum primum quidem exiguum est, sed graviditate crescente uberius in dies fit. Est autem lac succus albi, sublividi coloris, gustatu dulcis, non translucidus, reagens alcalium ad instar. Quam reactionem feminae lac diutius servat, quam lac vaccae; feminarum, quae bona valetudine utuntur, diutius quam aegrotarum. Pondus specificum lactis feminae est inter 1030 — 1034. Fluido et globulis, qui in fluido natant, constat, quos globulos nonnisi auxilio microscopi distinguere potes; diametros est intra 0,0012 — 0,0018‴. Membrana globulorum substantia albuminosa — caseino — constat; contentum eorum substantia pinguis est.

Analysis chemica his lac constare dicit: aqua, caseino, substantiis pinguibus, saccharo lactis, substantiis extractivis, salibus (chloreto potassii, chloreto sodii, alcalibus phosphoricis, calce phosphorica, magnesia phosphorica, ferro phosphorico aliisque).

Lac postquam e mamma stillavit serius ocius naturam suam mutat, saccharo lactis in acidum lacticum mutato, acescit, coagulatur. Quae naturae mutatio ocius in lacte vaccae, quam feminae exsistit.

Feminae lac alio tempore post partum aliud est. Colostrum (primum lac) turbidum est, subflavi coloris et lacte spissius. Colostrum duplo vel triplo plus salium, quam lac continet, quare infantis alvum leviter purgat. Corpora sunt in eo, quae nomine corpusculorum colostri appellantur; parvulis pinguibus globulis et substantia albuminosa amorpha, quae spatia inter globulos replet, constant. Diametros est 0,0063 — 0,0232‴. Tribus vel quatuor diebus post partum corpuscula haec in lacte inveniri non solent; fit tamen, quamvis raro, ut vel duobus tribusve hebdomadibus post partum praeterlapsis conspiciantur. Sed si femina infantem nutriens aegrota fit, aliquando denuo apparent.

Prout infans crescit, quantitas caseini et salium lactis augetur, sacchari vero quantitas sensim sensimque deminuitur. Butyri quantitas varia est.

Cibus magnam vim in formandum lac exercet. Omnibus notum est, lac vaccae odorem, colorem et saporem herbarum, quas animal depascit, plus minusve referre. Exiguo cibo sumpto vel parum lactis stillat, vel tenue est; sufficienti contra — spissum, abundans. Prout cibus plus minusve sufficiens est, quantitas butyri celerius, quam quantitas caseini mutatur, augetur aut deminuitur. Si lactis quantitas secernitur non sufficiens, infantis nutrimento id non commodum futurum esse quisque intelligit; sed ex altera parte, si etiam copia lactis adest, ita tamen ut id tenue sit, multam aquam, parum autem caseini, sacchari, butyri, salium contineat, infantem non prospera valetudine victurum, sed debilem et infirmum futurum quis non perspiciet? Donne vir doctissimus, quantum alimenti lac contineat, ut reperiatur, microscopum adhibere proposuit. Quo ad-

jutore globuli in fluido natantes distinguuntur, e quorum majore minore numero, quantum alimenti in lacte sit, secundum Donne conjici potest. Globuli potissimum butyro constant et membrana caseinea. Butyrum tamen partem lactis principalem non efficit. Quantitas butyri ita accrescere potest, ut caseinum, saccharum, sales pristino statu remaneant, non augeantur, neque ex altera parte decrescente butyro minuantur. Sed ne microscopo quidem adhibito, globuli butyri quantum aucti sint, certo modo definiri potest. Quare si quis, quantum lac alimenti contineat, scire vult, ei, praeter microscopum, analysi chemica omnino utendum est.

Remedia quaedam a femina hausta, ut praeparata iodi, ferri, zinci, bismuthi, alia in lacte referuntur. Thornhillius auctor est, feminam quandam, viginti guttis tincturae opii sumptis, mammae infantem admovisse, eumque, fame lacte matris expleta, quadraginta trium horarum sopore affectum ese.

Menstrua feminae, quae infantem mammae admovet, cessare solent, si vero durant et abundant, lac parum stillat. Si femina, infanti mammam praebens, gravida fit, copia lactis minuitur et infans macrescit. In morbis lac majorem partem deminuitur, quin etiam fit aliquando, ut omnino non stillet; pus continere potest, si abscessus in vias lacteas aperitur, etiam sanguinem; quod lactis genus infanti nocet. Pus et sanguinem, si in lacte sint, microscopo facile cognosces.

Dolore aut tristitia appetitus cito tollitur, id quod etiam lac minuit nec non naturae ejus obest. Quis nescit, quantam vim in lactis naturam matris ira exerceat? Qui affectus naturam lactis tantum interdum mutat, ut infans postquam id hausit, vomitu, diarrhoea, spasmis, aliis malis statim laborare incipiat, quin etiam moriatur, licet nihil mutati analysis nostra in lacte inveniat. In universum naturam lactis, quo nutritur, ipse infans saepe melius quam omnia auxilia, quibus ad rem cognoscendam utimur, testatur. Nam evenit, ut neque analysis chemica, neque microscopica, quanam in re lac mutatum sit, monstrare valeat, infans autem alvo laboret, et non prius quam aliud lac porrectum sit, valetudinem bonam assequatur.

Femina, quae infanti mammam dat, valetudine prospera sit, necesse est. Cibo et potione alibilibus uti ei convenit, a cibo vero et potionibus nimis excitantibus et alvum debilitantibus abstinere debet. Valetudinem suam cum altera valetudine adhuc tenerrima arctissime conjunctam esse bene memoria teneat. Nam improvida malum celeriter quidem praeteriens sibi comparare potest femina, quod tamen novum natum facillime tollet. Desidiae indulgere femina nolit, sed iis, quibus assueta est laboribus, quantum fieri potest, vacet, ne inertia valetudo debilitetur. Qua tamen in re modum servare sciat, necesse est, nam imbecillitas corporis ejus et lacti stillando et valetudini infantis multum nocet. Aequo semper animo sit et quieto, affectus quum eos, qui excitant, tum et eos, qui opprimunt, vitet, quippe qui nutricationi ipsius et lactis secretioni infesti sint. Somno, qui vires reficit, satietur. Somno refecta femina alacrior est et mammae ejus lactis copiam suppeditant. Femina, cui infans curae est, locum salubrem, in quo versetur, quaerat, rus urbi, quo in loco et aëris pestilentia nonnunquam ei noxia est, et propter urbanum strepitum silentio tam salutari tamque necessario caret, anteponat. Caveat, ne ex frigore, neve aliam ob caussam valetudinis detrimentum capiat.

Si mater firma valetudine gaudet, lac ejus sine ullo dubio optimum infantis alimentum est. Quare feminae, quae molestum infantis nutriendi munus effugere cupiunt liberosque suos aliis nutriendos tradunt, gravissimam matris officio injuriam facere recte videntur. Cura enim liberorum nutriendorum quod officium dulcius mater habet? Quomodo firmae valetudinis mater alieno lacte carissimum infantem alendum tradet, quum naturam lactis maximam vim in valetudinem infantis exercere sciat, nutricem se multis rebus abstinere debere, optime intelligat? Quae mulier nutricem pretio conductam melius ipsa matre munere optimo fungi credat? Mater, quae prospera valetudine est, alimento infanti necessario praebendo non solum vires ejus integras servat, verum etiam ipsa morbos, quibus, si officium matris partu edito negligit, obnoxia est, vitat. Natura enim sanctissimo officio matri imposito ad fidem violatam ulciscendam prompta est.

Infans non statim ac natus est mammae matris admovetur. Mater enim post partum quicte eget, quare spatium quinque vel sex horarum viribus ejus restituendis omnino dandum est. Quo tamen temporis spatio infans, ne fame crucietur, aqua saccharata alitur.

Recentes a partu infantes binis horis, tribus vero vel quatuor hebdomadibus post, ternis horis praeterlapsis nutriendi ac sensim sensimque cibo noctu rarius sumendo assuefaciendi sunt. Si infans debilis est, mater vero continuo somno noctu indulgere debet, lac vaccae aquae immixtum infanti per noctem offeratur. Infans somno nimis diuturno oppressus expergefaciendus et nutriendus est, ne viribus corporis fractis ad sugendas mammas parum idoneus sit. Quo imbecillior infantis natura, eo saepius alendus est, quoniam celeriter fatigatur neque diu sugere potest.

Prioribus sex mensibus nullus praeter lac infantibus cibus, septimum vero mensem agentem etiam arrow-root similibusque cum lacte coctis uti licet. Octavo mense jus gallinaceum vel jus cum vitello ovi, tum et carnis aliquantum sugendum, offeras. Ita sensim sensimque aliis cibis infantem assuefaciunt.

Annum jam aut annum et aliquot menses agens infans matris mammis amovetur. Nam aliquot dentes, qui apparuerunt, non solo lacte, sed etiam alio cibo eum gaudere posse satis probant. Neque prudentis est tempus, quo omnes dentes apparebunt, exspectare, quia ne duos quidem annos natus infans lacteos qui appellantur dentes paratos habet. Quod tempus eruptionis lacteorum dentium infantibus periculosum, quum variis malis praesertim organorum digestionis laborent, ita ut cibo nonnisi mammis matris vel nutricis praebito vires renovent. Qua in occasione in infantibus mammis removendis lenius agendum est. — Dentes non singuli sed aliquot unâ erumpunt atque inter unam et alteram eruptionem spatium temporis datur, quo affectiones quae dentium eruptionem comitabantur evanescunt; hoc intervallum ad infantem mammis amovendum quam maxime convenit.

Si mater ipsa infantem mammis fovere et alere optat, viribus autem

deficientibus magna lactis jactura valetudo in discrimine esse potest: lac vaccae aqua temperatum praeter lac matris infanti praebetur.

Quum vero mater aut dyscrasia affecta aut ex mammis laborans infantem nutrire non possit: nutrix curae ei esto. Bonam nutricem invenire res difficilis est. Quum enim lac matris alio tempore post partum aliud sit et praeterea hae naturae lactis mutationes arctissimis vinculis cum organismo infantis conjunctae esse videantur: nutricem numero dierum, quos post partum editum numerat, aetati infantis, quem nutritura est, necessario convenire debere quis non videt? Lacte exiguo non sit, non plus triginta annos nata sit, gaudeat praeterea firma valetudine, sobrietate sit ornata.

Lac materiam ad organismum formandum suppeditat, et organismi natura pro materia, e qua formatus est, varia est. Ita femina cachectica cum infante corruptos succos communicat. Quantam vim affectus in lac matris exerceant, id autem in constitutionem infantis, jam docui. Quae omnia si matres perpenderint, quae valetudine prospera gaudent, sanctissimum tamen naturae munus tamquam spernentes et inanibus vitae quotidianae deditae, ipsae liberos suos nutrire negligunt: quam crudeles, quam inhumanae in eum, cujus salus et vita iis omnium carissima est, sibimet ipsae esse videbuntur!

Quum mater neque ipsa infantem nutrire, neque nutricem invenire possit: lac vaccae, asinae vel caprae infanti offertur.

Lac vaccae spissius lacte feminae est, plus caseini, butyri et praesertim salium, sacchari autem minus continet. Asinae lacti minus caseini et butyri quam lacti vaccae, plus autem sacchari inest. Caprae lac minus caseino, quam lac vaccae, multo autem plus saccharo abundat. Butyri fere tantum in eo est, quantum in lacte vaccae. Apud nostrates sub his conditionibus infantem lacte vaccae aqua temperato nutrire moris est. Quae tamen lacte animalium infantis nutriendi consuetudo multum nocet, praesertim si in magnis urbibus, in quibus animalia vitiis vale-

tudinis sunt obnoxia, invenitur. Quum enim oppidani, tum et vaccae, quae in oppidis sunt, cachexia tuberculosa saepissime laborant. Quum enim lac e sanguine animalis fiat, pro natura sanguinis lac diversum est. Si macra vacca est, lac infanti nequaquam utile futurum esse facile quisque videre potest. Quare lac, quo ad infantem nutriendum uteris, accuratissime eligendum est, atque omni modo prospiciendum, ut vacca ruri in pratis sit, bona pastione, pura aqua delectetur.

'Cubiculum infantis calidum esse neque temperatura aëris ejus subito mutari debet. Quod ne accidat, omni modo curandum est. Aër sit purus, quia res est, sine qua vivere ne punctum quidem temporis possumus. Pestilens aër eandem in valetudinem vim ac malus cibus habet. Quare multi infantes in eodem parvo cubiculo dormire sine damno valetudinis non possunt. Difficile enim est hac in conditione aërem purum servare. Eodem cubiculo ac matrem aegrotam infantem uti periculosum. Luce infantem paullatim assuefacere oportet, neve multa luce infantis oculi affligantur vitare. Corpus infantis veste nunquam nimis arcta constringendum est, ne membrorum motus impediatur. Quin etiam duos vel tres menses natus infans lintèis illis, quibus eum circumvolvere solemus, carere potest. Lectus ei mollis paretur, quo tepidior sit et melius dormiat infans. Somno infans strepitu sublato ne excitetur, omni modo providendum, quia ita facile perterretur. Primo postquam lucem adspexit tempore infans nonnisi ad cibum sumendum expergiscitur et statim iterum dormitat, postea quo plus adolescit, eo minus temporis in somno consumit. Nimis cubiculo indulgere noxium est, quod ne accidat, in manibus gestetur infans, in universum huc illuc movendo periculosa desidia vitetur. Si menses septem vel octo jam agit infans, movendo se in tapeto strato membra exerceat, quod utile; excitare autem eum, ut pedibus utatur, non oportet. Purum infans corpus habeat, quare quotidie aliquoties aqua lavetur et quidem ita ut in recenti a partu tepida aqua adhibeatur, mense autem vel duobus praeterlapsis paullatim frigidior sumatur; denique eadem temperatura ac cubiculi aër esse potest. Quo fit, ut et cutis frigoris patiens exsistat et valetudini frigus non infestum sit. Si per tempestatem licet, aëri libero infantem exponere salutare est. Infantes

lactentes saepe ex organis digestionis laborant (vomitu, diarrhoea, ex cibo organismo non accommodato sumpto), angina membranacea, tussi convulsiva, exanthematis variis. Infantibus lactentibus variola vaccina inoculari solet. In quo remedio rem prorsus admiratione dignissimam videmus, quantitatem puris exiguam corpori inoculatam tantam naturae corporis mutationem afferre, ut intra certum temporis spatium hominis valetudini contra hunc morbum optime succursum sit. Diligentiae Ienneri hoc remedium, quo quotannis tot hominum immatura mors prohibetur, debemus.

Novum hominem succo parentum formatum, plus minusve parentum suorum naturam referre constitutionemque ejus cum parentum constitutione arctissime cohaerere a nobis jam indicatum est. Morbos quoque a parentibus hereditate accipimus. Quis enim nescit, saepe fieri, ut infans optima, postquam lucem adspexit, conditione vivens, scrophulosi tamen aut alio quodam morbo affectus sit? Licet optimo cibo nutriatur infans, aëre libero gaudeat, ab omnibus valetudini inimicissimis rebus remotissimus sit, tamen a parentibus morbo accepto statim eo corripitur. Quae cum ita sint, quis est, qui quaestionem de hoc casu vitando cum omni attentione dignissimam, tunc et generi humano gravissimam esse non putet? Si personae eodem morbo laborantes matrimonio inter se junguntur, liberos eidem malo, quin etiam vehementiori, obnoxios futuros esse naturae consentaneum est. Sin contra alter parentum omnino malo liber sit: alterius parentis morbi quam in prolem exerceret vis jam hac re labefactatur. Quare a talibus parentibus infantes aut omnino liberos malo ut ita dicam hereditario, aut leviori attactos procreatos invenies. Unde sequitur, matrimonium consanguineorum, ut talia vitentur, admittendum non esse. Consanguineis personis matrimonio inter se junctis pestis in dies gravescit, atque familiae, consaguineos ad matrimonium eligere anteponentes, breviore vitae curriculo utuntur. Provectiores aetate aut teneras personas inter se jungi non oportet, liberos enim saepe nullos, saepe debiles procreant. Legitimi liberi maximam partem nothis firmiores sunt, quia parentes meliore valetudine, majore prudentia, liberi autem legitimi meliore conditione vivunt. Educationis genus quum ad frangendum, tum

et ad aggravandum malum multum affert. Nam quamquam scrophulosis, rhachitis non raro a parentibus in liberos transferuntur, natura tamen in malum jam prona, educatio quoque iniqua ad id augendum plurimum confert, nec raro propter educationem firmis etiam parentibus procreati liberi vitiis corporis corrupti exsistunt. Nam si infans cubiculum humidum, quo vix solis radii penetrare possunt, habitat, si vaccae aegrotae lacte nutritur, aut aëre puro caret: sine ullo dubio scrophulosi laborabit.

Infanti mamma remoto, pro cibo arrow-root cum lacte coctum, jus alibile, vitulina, gallinacea, pro potione vero aqua, lac, quae omnia ad solitum hominum victum eum assuefaciunt, praebentur. Difficilibus ad digestionem vel praetermodum pinguibus rebus, laganis, bellariis nec non potione sinica arabicave, cujus vice majore cum utilitate lac fungi potest, parce utendum est. Atque cibus et potio omnia ad sanguinem renovandum necessaria continere, recentes esse et non parca manu offerri puero debent. Multum simul capere cibum non prodest, frequentius, sed singulis vicibus parcius cibum sumere infantem praestat. Qua in re id rationis observandum est, ut pueri octo annos nati quotidie quater alantur et quidem primum mane jentaculo, quod pane butyro illito, carne, lacte constat, se reficiant; deinde circa meridiem prandium — jus, caro nec sine oleribus offeratur; quo tamen in prandio, praeter carnem ex jusculo sumptam, quippe quae justum alimentum non praebeat, etiam carne non excocta utendum; binae varie praeparatae carnis mensae, ut cibus varietur, apponendae sunt; ptisana etiam cum lacte cocta nec non mensa secunda prandium constet; tum circa horam pomeridianam quintam panis butyro illitus et lac praebeantur et hora septima vel octava praeterita — cibus vespertinus — olera vario cocta modo, ptisana cum lacte, interdum et carnis aliquantum sufficiant. Pro carne et lacte diebus Religione id cibi genus vetantibus pisces boni aliaque suppeditentur. Panem cibarium bene coctum, qui ad salutem multum confert, lacti pueri edunt; quo tamen varietas cibi melius observetur, alterum eorum, quae nos duo habemus genera panis, in jentaculo, alterum in mensa pomeridiana apponatur. Potio, quam nostrates appellant kwass, dummodo bene fermentata nec nimium acida

sit, neque infans majorem partem lacte vescatur, pueris jucundissima est. Fit interdum, ut plus quam quater ad cibum sumendum infantes prompti sint, qui hac in occasione nonnunquam nullo modo iis negandus est. Id bene memoria teneant ii educatores, qui suae pueritiae obliti infantem saepe esurire, saepe cibum poscere mirantur. Ipsi potius admiratione digni sunt, qui puerum crescere, corpus ejus citius renovari, ideoque succo alimentum praebente saepius egere et cibum hanc ob caussam frequentiorem poscere intelligere nolint.

Parvuli semper puri sint, quod ut assequamur, singulis hebdomadibus in balneum deducantur, aestate autem in flumine laventur. Matutino et vespertino tempore lavari optime convenit, statim post cibum vero sumptum vel sudantibus obest.

Vestis simplex, munda nec adstricta sit, atque alia alio tempore anni. Neque puellae fasciis pectus constringentibus, respirationi nocentibus, aliaque mala foventibus adsuefaciendae.

Parvulorum cubiculum, quo interdiu morantur, spatiosum, lucidum, mundum nec humidum sit, calorem XIV — XV graduum secundum Reaumuri thermometrum habeat. Cubiculum autem dormitorium frigidius esse potest, neque tamen ita frigidum, ut puer faciem suam vesti stragula tegere, qua re aër respirandus brevi corrumpitur, cogatur. Qua conditione cubiculi bene observata, ne ea quidem negligenda est, ut quantitas aëris, quae cubiculum implet, infantium numero respondeat. Contrarium ne fiat, cubiculo vasto utendum est. Cubiculum enim, in quo diem agunt infantes nec diu morantur, novo aëre immisso, saepe purgari, cubiculi autem dormitorii, in quo per X saepe horas somno indulgent, multis pueris simul dormientibus, aëri corrupto non facile succurri posse quis non videt?

Sedendo indulgere infantem non oportet, contra moveri et, si per tempestatem licet, sub divo, id quod multum prodest. Ut enim plantae in cubiculis nostris justo solis lumine carentes aliisve conditionibus naturae ad

crescendum necessariis privatae venustate bonarum plantarum non gaudent atque nonnunquam cito marcescunt, aëri vero libero expositae redintegrant vires et florent: sic et homo tecto atque penatibus nimium favens, salutarem autem liberioris aëris vim nihili esse credens, poenas talis victus luit, quum corpus ejus macescat, musculi enervati, motus tardi fiant, nervosumque systema irritetur. Nam si homini adulto, cujus organismus jam in omnibus partibus plane formatus est, desidiae majorem diei partem indulgere nocet: quo vehementius id damnum corpori infantis, qui adhuc adolescit, esse debeat, quis facillime non perspexerit? Ut seni currere atque jocis sese exhilarare non datum est: ita integrum prope diem in discendo consumere infantis naturae non consentaneum est. Itaque quum jam ipsa natura pueros ludere lege sua jubeat, ludos eorum et alacritatem ad organismum confirmandum multum conferre, nimium autem discendi ardorem huic rei necessario obesse inde consequitur. Quae cum ita se habeant, quo minor infans natu est, eo plus in corporis quam animi viribus exercendis temporis consumat.

Si infans diu sedet, sanguis cum impetu ad genitalia affluit, qua re genitalia praemature increscunt et libidinosae cogitationes excitantur. Quod quantum ad enervandas organismi vires valeat, quum manifestum sit, ut pestis vitetur, exercitationes corporis, lusus, quibus omnibus naturalis organorum genitalium processus efficitur, adhibeantur. Liberi enim postquam satis cucurrerunt, et somno quieto afficiuntur, et lusu, in quo plurimas diei horas consumpserunt, contenti, alium perniciosum non quaerunt.

Neque non motu corpori negato nutritus corporis imbecillus fit. Nam cibi appetitus minuitur, sanguinis circulatio retardatur, spiritus difficilius nec ab imo ducitur, virium corporis redintegratio cum mora fit, minus oxygenii consumitur, caloris minus producitur et combinationes hydrogenio et carboneo abundantes non solum in textu celluloso subcutaneo, verum etiam in tela junctoria musculorum voluntariorum et aliorum organorum, quin etiam cordis ipsius, sub specie adipis deponuntur, atque ita quantitas textus horum organorum proprii decrescit. Musculos, cor, quorum bona pars adipe constat, tardius quam normales munere suo fungi atque invitam primo segnitiem, mox inertiam voluntа-

riam producere facile intelligi potest. Quae omnia pecoris magistris notissima sunt, qui animal pingue reddituri et cibum largum objiciunt et septis, quo minus moveri possit, includunt. Postquam autem saginatum animal est, nullo septo adhibito, propter ipsam sui corporis ignaviam moveri non potest. Atque membrum aliquod corporis humani, aliis sub conditionibus, per aliquot menses motu privatum macrescit musculorumque ejus moles minuitur.

Sin corpus motu non caret, appetitus crescit, cordis ictus vehementiores, sanguinis circulatio alacrior fit, corporis vires cito redintegrantur, textus melius aluntur et adeps in textu celluloso subcutaneo plus justo non increscit. Eas corporis partes, quae saepius moventur, majore sanguinis copia affluente validiores et ad agendum magis idoneas fieri, manus dextrae, qua magis, quam manu sinistra, uti solemus, musculos validiores esse, saltatores femoris musculis et iis, qui a trunco ad femur procedunt, validioribus gaudere inter omnes constat.

Sed etiam exercitatio corporis ne vi salutari, quam in organismum exercet, careat, finibus certis contineri, neque vires hominis opprimere debet. Immodica enim exercitatione enervatur homo et status typhosus inde nonnunquam existit. Cui malo milites, qui tempore belli magnis itineribus enervantur, non raro succumbunt. Feras, ob rapidum et diutinum cursum saepe succumbere venatorum cuique nota res est. Quo fit, ut caro talium ferarum tenera sit, sanguis vero dissolutus neque facile coaguletur.

Quibus omnibus perspectis, ad organismum recta via corroborandum, modica exercitatione eaque, ne quod corporis membrum validius reliquis existat, in omnibus membris aequabili utendum esse elucet. Inaequabili enim utriusque corporis lateris musculorum exercitatione, musculi, qui magis ceteris exercentur, columnam vertebralem (vel aliud organon) nonnunquam in suam partem inclinant atque ita eam incurvant.

Motus post prandium immodicus vitandus est, quia musculis intentis et sanguine ad eos affluente ventriculi opera retardatur.

Ambulatio et cursus usitatissima motus genera sunt, atque pueri

aliquot horas in ambulando et currendo quotidie consumere neque tamen, quum his duobus motus generibus non nisi aliquot partes corporis exerceantur, aliis exercitationum modis supersedere debent. Ex hoc numero saltatio certe ad corpus exercendum magis prodesset, quam prodest, si sub divo, non in aedibus, aëre corrupto plenis, in quibus non solum aegre moveri, verum etiam aegre spiritum ducere licet, saltaretur, ipsorumque saltatorum corpus veste arcta non premeretur. Natatio, quae musculos exercet quam plurimos, res utilissima quidem est, sed ea non ubique neque semper uti licet. Ars gymnica omnium ad rem nostram optima in patria nostra utinam etiam majore in usu sit! Hanc enim artem non solum corpus hominis corroborare morbumque praevertere, verum etiam sanare omnibus tempore nostro probatum est. Cujus rei unum exemplum afferre lubet. Quattuor abhinc annis exercitatione hac in valetudinario infantium Parisio in usum recepta, auxilio ejus in multis scrophulosis, rhachitis et nervorum morbi plerique, qui ceteris iisque vehementibus remediis non cesserant, optimo cum eventu diruti sunt. Scrophulosi enim obnoxii pueri, si gymnica exercitatio adhibetur, vires suas restituunt, appetitum recuperant, ipsi turgidiores, musculi eorum firmiores existunt. Cui exercitationi si sub Iove indulges, majus sine ullo dubio commodum inde comparabitur.

Pueri interdum clara voce legere jubeantur, cantare discant quae res voci, pectori et pulmonibus optima est.

Sensuum nostrorum virtus, quorum auxilio cum natura communicamur, ex exercitatione pendet. Quam oculi ferarum incultarumque gentium acuti sint, quae domum spernentes maximam diei partem in agris degunt atque a prima pueritia res e longinquo discernere discunt, cuique notum est. Vel homines, qui aliquam ob occasionem caeci facti sunt, nonnunquam ex exercitatione bene res tactu distinguunt. Quae cum ita sint, quin sensuum nostrorum acies, quum aut omnino exercitatione priventur, aut nimium ei indulgeant, aut denique recte ea non utantur, obtundatur, quis dubitabit? Ita quomodo oculorum acies non hebetetur, si majorem diei partem domi es, in rebus remotis conspiciendis eam non exerces, aut dies noctesque in libris legendis consumis, quomodo, si per vitrum res minutissimas soles

observare? Rem, quam discernere cupis, satis lumine illustratam esse velis, ita tamen, ut neque nimium lumen, neque exiguum oculo tuo noceat.

Et cum a natura constitutum sit, ut diei labores noctis quies et silentium excipiat, eam legem si quis spernere vult, invitum mater acquiescere cogit. Musculi enim lenti paullatim fiunt et mentis vires franguntur, acie oculi et aures solita carent, et somno denique afficimur. Quae lex, ut nocte quiescamus, agamus die, quum a natura ipsa constituta sit, tum omnibus hominibus, tum praesertim pueris puellisque religiosissime servanda est. Quare simul atque infans somno affici incipit, vigilare cum ne cogito, contra statim in cubiculum mitte. Dum somno dediti sumus, motus, qui nostro arbitrio, quum vigilamus, fieri solent, omnes cessant, quiescunt sensus, et animi facultates, si somnus gravis est, prorsus vacant. Cetera naturae nostrae, quae ad vitam vegetabilem pertinent, ut digestio, respiratio, sanguificatio, sanguinis circulatio nihilominus durant, sed cordis ictus non tam frequentes sunt, spiritus rarius ducitur calorisque minus paratur. Somno quieto animo et corpore refecti, quum mentem ad cogitandum promptiorem, tum et corpus ad agendum validius nobis esse sentimus. Infanti inde a tertio aetatis anno durior optime convenit lectus, mollis enim corpus et calefacit et enervat. Pueri III vel IV annos nati per horas circiter XII quotidie somno indulgeant, X — XII annos natis novenae, majoribus autem natu usque ad annum XVI octonae horae sufficiunt.

Atque sicut corpori certis alimentis, ita etiam animo opus est et sicut corporis vires, ita animi nostri facultates in educatione et conformatione positae sunt. Et apud antiquos quidem corporis robur res maximi momenti habebatur majorque erat corporis educandi cura, in qua educationis ratione, naturam corporis potius spectante, vires animi inculiores, ut ita dicam, saepe relinquebantur, id quod athletarum, in Graecia antiqua celeberrimorum animo obtuso probatur. Nostris vero temporibus, educandi ratione mutata, quum ingenii acumen rudibus corporis viribus praeponatur, in animum excolendum educatores omni studio incumbunt ita, ut interdum corporis exercitatio negligatur. Qua tamen in re, animum homi-

nis cum corpore conjunctum esse et motus animi saepe a statu corporis pendere, educatores quasi latuit. Animum, quamvis consilii potentem et excultum, imbecillo tamen corpore inclusum, minus, quam mentem sanam in corpore sano, generi humano prodesse posse quis non intelligit? Neque caussa est, cur educatores, omni educatione in unam partem versa, spem suam frustratam esse mirentur.

Infans a partu recens eos, cum quibus ei commercium est, ut matrem, nutricem, quae ei lac praebet, facile jam agnoscit, nec raro, nova nutrice arcessita, desiderio pristinae, mammae aegre se admoveri patitur. Res diversas circum se conspicit, quas, si gratae sunt, appetit, remotisque iis iram vagitu ostendit, sin contra ingratae, aspernatur. Primo vitae anno expleto loquendi facultate jam gaudet, matrem, patrem, nutricem appellare balbutiens incipit. Quod primum linguae periculum faciens sermone utatur patrio primasque cogitationes non peregrinis vocibus, sed vernaculis, quo facilius iis assuescat, exponat necesse est. Mirantur peregrini facilitatem, qua in usu multorum sermonum excellimus, atque singularem quandam linguarum peregrinarum ediscendarum facultatem hominibus nostris inesse credunt. Si vero educationis genus, quo nonnulli nostratium utuntur, cognovissent, sententia sine ullo dubio mutata, aliam opinionem sequerentur. Qui enim aliter fieri potest, quum infantes omnes, quas vident, res peregrinis nominibus appellare assuescant? Qui, dico, Francogallica vel Germanica lingua, inde a cunabulis accepta, eadem fere qua patrio sermone, imo etiam majore facilitate saepe non utantur? si nonnullarum tantum disciplinarum et artium magistri in vernaculo sermone discendi materiam proponunt, domestici vero educatores omne, quod a studiis reliquum est, tempus peregrino sermone utentes terunt, etiam inter se patria lingua pueros uti vetant? Quae alia caussa est, cur nonnulli nostratium, Francogallicum sermonem cum domestico miscentes, neutrum recte intelligant et patriae linguae impotentes sint? — Nam ut lingua qualibet bene utamur, multa exercitatione opus est, neque hic noster sermonis peregrini amor absque magna jactura est. Usu enim et scientia sermonum, quibus exterae nationes utuntur, quibusque facile carere possemus, non raro fit, ut pa-

tibi linguae patriae unam et perfectam selectionem emittamus. Nihil quidem utilitatem, quae ex cognitione linguarum excultarum capienda, praesertim ex optimorum operum lectione comparatur, his dictis negamus, sed sermonem suum cum [illegible] commercio atque hoc inter se uti nunquam probo. Nam vel si in colloquio cum peregrino quodam, aliquid fortasse aliquem pudeat, linguae ejus copia et perfecta notitia nobis desit, quis invenietur, qui talia nobis non ignoscat?

Infans duos annos natus, quid meum, quid tuum sit, adhuc ignorat, utilia et inutilia, vera et falsa, periculosa et tuta discernere non potest. Quae tamen non impediunt, quominus rerum, quas videt, cognoscendarum studio flagret. Atque in animi facultatibus excolendis et sensus et mentis et voluntatis eandem rationem educatorem habere easque facultates omnes pro infantis viribus alere et excolere aequum est. Res, quas circum se conspicit infans, summa cum voluptate contemplatur, earumque aliae alio modo sensus ejus afficiunt. Quae cum ita sint, quid in educandis infantibus naturae magis consentaneum est, quam has res ipsas earumque indolem primum cognoscere? Quo enim alio modo, nisi rebus singulis perspectis, puer notionis earum capax fieri potest?

Ac primum quidem »Religionem cujusque scientiae utilis solum atque unicum fundamentum esse« (*). Clementissimi IMPERATORIS nostri Augustissimum dictum est; quod sublime praeceptum educatores in animo defixum teneant, inde ab eo tempore, quo puer res mente amplecti et percipere potest, sanctissima eum divinarum rerum scientia imbuant ac forment.

Atque voluntas ad rectissima quaeque et optima dirigatur, ut probus vir et honestus sit, eaque, quae ad mores pertinent, proponantur. Hic finis educationis primarius esto. Quum enim hominis natura ad bonum et ad malum proclivis sit, quid omnes artes, quas ediscet, quid in-

---

(*) [illegible] E literis quibus anno MDCCCL.° Excell. Minister ad Archiepiscopum [illegible] de educatione publica in Patria nostra rebus, depromptum.

quam, lucri afferent, si haec educationis pars negligatur? Qua in re tamen parentum atque educatorum exempla magis quam praecepta et poenas liberos trahere cui ignotum est? Qui si ipsi Religione imbuti, IMPERATORIS et Patriae studiosissimi et majorum natu reverentia pleni sunt; si alieno commodo ut suo gaudent; cuique inopi omnibus viribus succurrere conantur animumque durum pro turpissimo vitio habent: liberi quoque eorum plerumque optimam virtutis viam ingredientur et vitium aversabuntur. Sin contra parentes ipsi vitiis inquinati sunt, facile fieri potest, ut liberi quoque eorum vitiis inficiantur. Atque non est, quod miremur, si liberi, quibus praesentibus parentes se non satis humanitate esse imbutos ostendunt, simili animo utentur, licet humanitatis praeceptis optimis imbuti sint.

Ante septimum vitae suae annum expletum prima literarum elementa puer discere ne incipiat, sed etiam hac aetate paucae horae ad discendum sufficiunt. Spatium temporis, quod in discendo consumit puer, gradatim augeatur, ita tamen, ex mea quidem opinione, ut etiam in X annos nato majorem diei partem corpori exercitando quam libris legendis dari conveniat.

Atque exercitationes corporis, si modum non excedant, plurimum corpori prodesse, si parum sufficientes sint, vel modum viresque excedant, partes ve corporis aliae aliis magis exerceantur, organismo nocere jam diximus. Quae omnia in animi facultatibus excolendis idem valent. Aequabilitate enim in animi facultatibus exercendis non servata, fit, ut aliae aliis plus acuminis habeant. Unde puerorum puellarumque occupationes varias debere esse, atque a difficilioribus, in quibus animi vires intenduntur, ad alia, in quibus relaxantur, ideoque faciliora, ut mens labore acquiescat, transeundum esse necessario consequitur. Hac modica et viribus infantis accommodata exercitatione optime animus formatur. Rerum enim cognoscendarum cupida puerorum mens iis, quarum capax est quasque circa se conspicit, explicatis, contenta esse solet; quum vero ea, quae traduntur, vires suas excedere videat, taedio discendi afficitur. In hominum etiam adultorum salutem facultates animi immodice intentae quam inimicam vim exerceant, omnibus notum esse credo. Quam saepe juvenes op-

timo ingenii acumine a natura praeditos et ardore discendi vehementissimo conspicuos multa utilia hominibus praestitisse videmus, qui viri optimi, cum cognitiones utiles cum aliis hominibus communicare eosque, tanquam proximos suos, beneficiis augere omni animo intenderent: valetudinis suae obliti ob immodicam virium contentionem immatura morte occubuerunt? Namque tales immaturas ingeniosissimorum hominum, qui multa praestiterunt, majora etiam sperari jubebant, mortes non raro lugemus. Si igitur hominis jam adulti valetudini immoderata studia tam perniciosa sunt, de infante quid statuemus? Sunt tamen, qui infantem inde ab octavo aetatis anno fere diem integrum in libris haerere jubeant. Qui labor quum viribus discipuli, qui ad alia, quae aetati propiora sunt, omni animi impetu trahitur, non congruat: aut alia agens sedet puer, aut pensum suum, quamvis librum legere videatur, non absolvit. In quo casu poena nunquam tarda est, et videatis, quaeso qualis nonnunquam adhibeatur. Aequalibus inter se ludentibus, ad librum sedere cogitur, pro cibo ei panis cum aqua porrigitur. Quae castigatio si in puero a natura imbecillo sine ullo, ut fieri solet, eventu manet, discipulusque nequaquam pensa solvit, ludo fere omnino privatur et nonnunquam fere per aliquot dies sola aqua cum pane vescitur. Sunt educatores, qui talia remedia adhibentes gaudiis se tantum ad vitam non necessariis infantem privare sibi persuadeant, sed obliviscuntur illi, non oblectationis caussa ludere atque edere infantem, neque idem esse, utrum sufficiente cibo alatur necne. Corpus enim sanguine formatur, quem cibus suppeditat, atque pro cibi natura sanguis varius est. Haec quod ad cibum attinet; exercitatio vero corporis et ludus ad sanguinem purgandum et corpus recte alendum multum conferunt. Qui igitur cibo non sufficienti, animo vero supermodum intento, corpus infantis non marcescat, animi facultates non enerventur?

Scientiae, quae de natura agunt, optime primae educationi conveniunt. Ubique enim infans naturae corpora conspicit, ubique phaenomena, quae facile ei explanari possunt, videt. — Quare inde ab octavo aetatis anno partes, quibus plantae atque animalia constant, similitudo earum atque differentia nec non finis pueris puellisque narrari possunt. Plantam sicut animal ali et ob eam caussam certis organis ad cibum sumendum,

quo si privatur, mortem patitur, praeditam esse facile puer intelliget. In aëre nos, non in vacuo moveri, aquam evaporari posse facile vel parvulo persuadebitur, neque magis ardua res erit caussam pluviae, roris, ceterorumque similium ei ostendere; quibus traditis, jam inde a prima pueritia phaenomena naturae contemplari, caussas cur fiant quaerere atque ita omni superstitione vacare assuefiet. Quae omnia quamvis gravissimi sint momenti, nihilominus tamen — res omni admiratione dignissima! — facile inveniëntur homines iique literarum non rudes, qui vitam animalium et plantarum atque commune horum omnium inter se vinculum prorsus ignorent; corporis sui functiones maximam partem non intelligant; cur edant, bibant, respirent, his cibis et potionibus sine damno valetudinis utantur, illos vitent, nesciant; quam ob caussam quum ipsi oculis vident, auribus percipiunt, caeci et surdi neutra re gaudeant, ignari sint. Res vero gestas omnes, quae quidem hominum memoria continentur, praeclare et accurate narrare possunt. Equidem scientiam illam rerum ab hominibus gestarum, quae nobis de populorum deque totius generis humani vita notitiam tradit, magni aestimo; sed educationi primae historiam naturalem magis convenire arbitror. Namque in natura rerum cognoscenda Creatorem cognoscimus ejusque Omnipotentiam, Sapientiam et Benignitatem maxima veneratione admiramur. Naturae rerum legibus immutabilibus perspectis, phaenomena futura auguramur atque permulta vitae nostrae, quo felicior sit, accommodamus. Sed si in hominem, auditores spectatissimi, oculos convertitis, voluntatem ei datam eumque hanc ob caussam ad bonum et malum pronum esse, generisque humani rerum gestarum memoriam in virtutibus et vitiis, in rebus praeclare gestis et sceleribus versari invenietis. Etenim permulta fiunt in vita generis humani, quae nullo modo praevideri possunt, quaeque e libero hominis arbitrio pendent. Neque difficultas studiorum historicorum praetereunda est. Nam cum in rerum natura pernoscenda omnis aetas cum fructu versatur, quis est, qui puerum VIII vel X annos natum de factis et fatis populorum recte judicare posse contendat? Narrantur victoriae reportatae, oppida capta et diruta, cur autem capta, cur diruta sint, mente non percipit; religiones exterarum nationum quae et quales fuerint, proponuntur, Jovem potentissimum deorum, Martem bellis, Minervam sapientiae prae-

Quum igitur tantam in civitatum fata vim exercere educationem viderent, sapientissimi omnium aetatum legislatores, saluti publicae prospicientes, maxima cura eam fovere et regere solebant. Nostra carissima Patria benignitati et liberalitati vere paternae Augustissimorum IMPERATORUM multa ad educandos liberos atque optima instituta, omnibus ad rem necessariis opibus amplissime ornata, accepta refert. Cujus paterni animi Augustissimi nostri IMPERATORIS vetus illud Universitatum institutum paedagogicum nova cathedra adjecta nuper auctum disertissimo testimonio est.

Quae animo mecum reputans, vos futuri civium nostrorum educatores alloquor. Facultates animi exercentes, corpus etiam, ne immature debilitetur animique vires frangantur, negligere nolite. Conditiones vitae, quae ad hominem perfectum efficiendum valeant, quae noceant, quae prosint discite; dubiis in rebus ad medicos consulendos, qui homini et necessitudini ei, qua cum rerum natura continetur, penitus intelligendis vitam suam consecrarunt, confugite. Vos autem, medici futuri, haud ignari effectuum sinistrorum pravae educationis, qui facilius cavendo evitantur, quam tollantur, parentes educatoresque consiliis vestris et auctoritate regite.

Haec, viri omnium ordinum ornatissimi, de prima cura, quae in liberis educandis ponenda est, proponere in animo statui atque pro virili parte proposui. Quae parva ac panca, si utilitatem quantulamcunque afferent, optimum laboris et studii mei fructum percipiam. Dixi.

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

О СОСТОЯНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ЗА 1851 ГРАЖДАНСКІЙ ГОДЪ.

Университетскій Совѣтъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго Устава, имѣетъ честь представить краткій отчетъ о состояніи Московскаго Университета за минувшій 1851 годъ.

Его Императорское Величество Государь Императоръ и Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ, 29-го и 30-го чиселъ Августа мѣсяца минувшаго года, осчастливили посѣщеніемъ Факультетскую Клинику Московскаго Университета и изволили обратить милостивое вниманіе на ея устройство и порядокъ.

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ, Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи и Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Екатерина Михаиловна съ Августѣйшимъ Супругомъ Своимъ Его Высочествомъ Герцогомъ Мекленбургъ-Стрелицкимъ удостоили Московскій Университетъ своимъ Высокимъ посѣщеніемъ, и проскѣщенному вниманію Ихъ представленъ былъ новооткрытый *опытъ Фуко* (наглядное доказательство суточнаго обращенія земнаго шара около своей оси), устроенный Ординарнымъ Профессоромъ *Спасскимъ*, который удостоился счастія отвѣчать Августѣйшимъ Посѣтителямъ на всѣ вопросы, какіе угодно было Ихъ Императорскимъ Высочествамъ предлагать по этому предмету. Его Императорское Высочество Принцъ Ольденбургскій и Его Высочество Принцъ Саксенъ-Веймарскій изволили осматривать Университетъ во всѣхъ подробностяхъ.

Его Сіятельство Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія Князь Платонъ Александровичъ *Ширинскій-Шихматовъ*, обозрѣвая учебныя заведенія ввѣреннаго Его Сіятельству Министерства, по примѣру 1850 года, также удостоивалъ Московскій Университетъ ежедневнымъ посѣщеніемъ, во время своего краткаго пребыванія въ Москвѣ, внимательно осмотрѣлъ вновь устроенное помѣщеніе казенно-коштныхъ Студентовъ и пансіонеровъ, всѣ кабинеты, библіотеку, Университетскую Типографію во всѣхъ подробностяхъ ея новаго устройства, Ботаническій садъ Университета въ его преобразованномъ видѣ,

Госпитальную и Факультетскую Клинику и вновь воздвигнутое, подъ надзоромъ Исправляющаго должность Адъюнкта Драшусова, зданіе Университетской Обсерваторіи, присутствовалъ на лекціяхъ Профессора Протоіерея *Терновскаго*, Ординарныхъ Профессоровъ: *Грановскаго, Крылова, Соловьева, Фишера-Фонъ-Вальдгейма, Спасскаго, Брашмана, Топорова, Щуровскаго, Шевырева*, Исправляющихъ должность Экстра-Ординарнаго Профессора: *Леонтьева* и *Кудрявцева*, Исправляющаго должность Ученаго Аптекаря *Лясковскаго*, Исправляющаго должность Адъюнкта *Драшусова*, также и на классическихъ бесѣдахъ и педагогическихъ упражненіяхъ, происходящихъ подъ руководствомъ Ординарнаго Профессора *Шевырева*.

Въ началѣ текущаго академическаго года было произведено испытаніе желающимъ поступить въ Студенты Университета. Изъ числа 149 человѣкъ, допущенныхъ къ испытанію, 125 признаны способными слушать лекціи; безъ экзамена принято учениковъ 1-й Московской Гимназіи 24, второй 11, третьей Реальной 8, четвертой 8, другихъ Гимназій 65; изъ другихъ Университетовъ, Лицеевъ и Медико-Хирургической Академіи 21. Сверхъ того, допущено къ слушанію профессорскихъ лекцій: сторонннхъ слушателей 10, Аптекарскихъ Помощниковъ 40, Студентовъ Александровскаго Финляндскаго Университета 7 и вольныхъ слушателей Медицинскаго Факультета 9.

Вообще въ 1851 году находилось въ Университетѣ Профессоровъ и Преподавателей 64; учащихся: a) Студентовъ 321, именно: въ Историко-Филологическомъ Факультетѣ 53, въ Физико-Математическомъ 93, Юридическомъ 202 и Медицинскомъ 468, b) сторонннхъ и вольныхъ слушателей 19, c) Аптекарскихъ Помощниковъ 40 и d) Студентовъ Александровскаго Финляндскаго Университета 7, а всего 887; изъ числа учащихся состояло: на казенномъ содержаніи 119, на благотворительномъ 39, на иждивеніи разныхъ учебныхъ заведеній 53, получающихъ стипендіи 24. Кромѣ того, въ продолженіи прошлаго года, 33-мъ Студентамъ выданы единовременныя денежныя пособія изъ суммы, собираемой за право ученія въ Университетѣ съ тѣхъ Студентовъ, которые въ состояніи платить по 50 р. сер. въ годъ.

Въ минувшемъ году въ Московскомъ Университетѣ преподавались всѣ учебные предметы, входящіе въ составъ каждаго факультета, на основаніи Высочайше утвержденнаго 26 Іюля 1835 года Общаго Устава Университетовъ, кромѣ Восточныхъ языковъ, Технологіи и Архитектуры, за неимѣніемъ преподавателей. Съ Января 1851 года, по Высочайшему Повелѣнію, послѣдовавшему въ 5 день Ноября 1850 г., введена каѳедра Педагогіи и преподаваніе оной, по назначенію Начальства, поручено О. Профессору *Шевыреву*.

Въ Преподавателяхъ и Чиновникахъ произошли слѣдующія перемѣны:

ОПРЕДѢЛЕНЫ:

Ординарный Профессоръ *Анке* — Инспекторомъ надъ частными въ Москвѣ Учебными Заведеніями на 1851 годъ; Кандидатъ *Пыховскій* — Исправляющимъ должность Адъюнкта при семъ Университетѣ; Капитанъ *Богославскій* — Помощникомъ Начальника Университетской Типографіи; Дѣйствительный Студентъ *Эдельсонъ* — Помощникомъ Издателя МосковскихъВѣдомостей; Лѣкаря: *Захарынъ* и *Соколовъ* — Ассистентами Госпитальной Клиники Университета, первый въ Терапевтическое, а послѣдній въ Хирургическое Отдѣленіе; служившій Помощникомъ Надзирателя за воспитанниками бывшаго Института оберъ-офицерскихъ сиротъ при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ *Фаренколь* — Хранителемъ Университетскихъ музеевъ; Коллежскій Асессоръ *Лихонинъ* — Корректоромъ Университетской Типографіи; Лѣкарь 1-го отдѣленія *Вихманъ* — Помощникомъ Библіотекаря Московскаго Университета; Лѣкарь *Воронецъ* — Ассистентомъ Хирургическаго Отдѣленія Факультетской Клиники; Титулярный Совѣтникъ *Своехотовъ* и Коллежскій Секретарь *Сергіевскій* — Помощниками Бухгалтеровъ, первый Университетской Типографіи, а послѣдній Университетскаго Правленія; состоящій по кавалеріи и въ провіантскомъ штатѣ Штабъ-Ротмистръ *Новиковъ* — Экзекуторомъ Университета, съ оставленіемъ по кавалеріи.

УТВЕРЖДЕНЫ:

Ординарные Профессоры *Шевыревъ* и *Баршевъ* — Деканами, первый Историко-Филологическаго, а послѣдній Юридическаго Фа-

культетовъ; Экстраординарный Профессоръ *Вернадскій* — Ординарнымъ Профессоромъ; Адъюнктъ *Леонтьевъ* и Исправляющій должность Адъюнкта *Кудрявцевъ* — Исправляющими должность Экстраординарнаго Профессора; Казначей Университета *Басалаевъ* — Синдикомъ Университета; Помощникъ Бухгалтера Университета *Булыга* — Секретаремъ Университетскаго Правленія.

ПЕРЕМѢЩЕНЫ:

Чиновникъ особыхъ порученій при Московскомъ Военномъ Генералъ-Губернаторѣ *Назимовъ* — Начальникомъ Университетской Типографіи; Помощникъ Столоначальника въ Ярославскомъ Губернскомъ Правленіи *Потьхинъ* — Письмоводителемъ Университетской Типографіи; Секретарь Университетскаго Правленія *Кетчеръ* — въ число состоящихъ при Московскомъ Военномъ Генералъ-Губернаторѣ Чиновниковъ; Ассистентъ Хирургическаго Отдѣленія Госпитальной Клиники *Ивановскій* — Врачемъ въ Озерскіе горные заводы; Помощникъ Библіотекаря Университета *Малицкій* — Старшимъ Надзирателемъ за воспитанниками Благороднаго Пансіона при Московской 2-й Гимназіи.

УВОЛЕНЫ:

Ординарные Профессоры: *Перевощиковъ* отъ службы при Университетѣ съ утвержденіемъ въ званіи Заслуженнаго Профессора, *Севрукъ* отъ должности Консультанта при Московской Маріинской Больницѣ; Начальникъ Типографіи *Курбатовъ*, Помощникъ Начальника Типографіи *Тюринъ*, Помощникъ Издателя Московскихъ Вѣдомостей *Виноградовъ* и Пріемщикъ объявленій *Лукинъ* — отъ службы при Университетской Типографіи; Синдикъ Университета *Захаровъ* — отъ службы при Университетѣ.

Умеръ: Экзекуторъ Университета, Титулярный Совѣтникъ *Степановъ*.

За отлично-усердную службу Всемилостивѣйше награждены: бывшій Начальникъ Университетской Типографіи *Курбатовъ* — знаками Ордена Св. Анны 2-й степени Императорскою Короною украшеннаго; Профессоръ Богословія и Церковной Исторіи при семъ Университетѣ Протоіерей *Терновскій* и Помощникъ Инспектора Студентовъ *Пантовъ* — Орденомъ Св. Анны 3-й степени; Экономъ Уни-

верситета *Воробьевъ*, бывшій Синдикъ Университета *Захаровъ* и находящійся при счетѣ бумаги и раздачѣ Московскихъ Вѣдомостей въ Типографіи *Васильевъ* — Орденомъ Св. Владиміра 4-й степени, за 35-лѣтнюю безпорочную службу; бывшій Синдикъ Университета *Захаровъ*, Помощники Инспектора Студентовъ *Зайковскій*, *Фурсманъ* и *Цызыревъ* обыкновенными подарками.

Всемилостивѣйше пожалованы: Статскіе Совѣтники: Ординарный Профессоръ *Оверъ* и Инспекторъ Студентовъ Московскаго Университета *Шпееръ* — въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники; Совѣтникъ Университетскаго Правленія Коллежскій Совѣтникъ *Назимовъ* — въ Статскіе и Адъюнктъ Коллежскій Ассессоръ *Ершовъ* — въ Надворные Совѣтники; Корректоръ Университетской Типографіи Губернскій Секретарь *Протопоповъ* — въ Коллежскіе Секретари; Коллежскіе Регистраторы: Помощникъ Секретаря Университетскаго Совѣта *Лавровъ* и Канцелярскій чиновникъ Университетскаго Правленія *Попдугинъ* — въ Губернскіе Секретари.

Награждены знаками отличія безпорочной службы: за XXXV лѣтъ — Экономъ Университета *Воробьевъ* и находящійся при счетѣ бумаги и раздачѣ Московскихъ Вѣдомостей въ Типографіи *Васильевъ*, за XXX лѣтъ — находящійся при счетѣ бумаги и раздачѣ Вѣдомостей въ Типографіи *Ярцевъ*, за XXV — О. П. *Брашманъ*, Врачь при Типографіи *Лебедевъ*, Канцелярскій чиновникъ Университетскаго Совѣта *Порто*, и Пріемщикъ объявленій въ Типографіи *Лукинъ*, за XX лѣтъ — Ординарные Профессоры *Топоровъ*, *Коровицкій*, *Орнатскій*, *Шевыревъ*, *Иноземцевъ*, Корректоръ Типографіи *Волоховъ* и Канцелярскій Чиновникъ оной *Смирновъ*, и за XV лѣтъ — Экстра-Ординарный Профессоръ *Басовъ*, Архитекторъ Университета *Рыбаковъ*, Помощникъ Инспектора Студентовъ *Іогель*, Лаборантъ *Шмидтъ*, Бухгалтеръ Типографіи *Колоколовъ* и Корректоръ оной *Качеповскій*.

Избранъ: Исправляющій должность Экстраординарнаго Профессора, состоявшій чиновникомъ при Археографической Экспедиціи, *Калачевъ* — Членомъ оной Экспедиціи.

Ординарные Профессоры: *Гейманъ* и *Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ* и Лекторы: Итальянскаго языка *Рубини* и Англійскаго языка —

Гарве, по выслугѣ первый 30, а послѣдній 25 лѣтъ по учебному вѣдомству, оставлены, съ разрѣшенія Его Сіятельства Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, на службѣ при Университетѣ еще на 5 лѣтъ, съ назначеніемъ въ пенсію полнаго оклада получаемаго ими жалованья.

На основаніи Высочайше утвержденныхъ Устава и Положеній, въ Факультетахъ происходили испытанія желающимъ получить разныя ученыя степени и званія и, по удостоенію Факультетовъ, утверждены:

1. Въ степени Магистра Всеобщей Исторіи: Исправляющій должность Экстра-Ординарнаго Профессора сего Университета, Кандидатъ *Кудрявцевъ* и Кандидатъ *Бабстъ*.

2. Въ степени Магистра Гражданскаго Права: Исправляющій должность Адъюнкта Одесскаго Ришельевскаго Лицея, Кандидатъ *Пахманъ*.

3. Въ степени Доктора Медицины: Ассистентъ Хирургическаго Отдѣленія Госпитальной Клиники сего Университета Лѣкарь *Минъ* и Лѣкаря: *Быковскій*, *Смирновъ*, *Редлихъ*, *Гурновъ* и *Пржиборовскій* *.

4. Въ степени Кандидата: по Историко-Филологическому Факультету: Дѣйствительные Студенты: *Касперовичъ*, *Грачевскій*, *Поповъ* и *Юхотниковъ*.

5. Въ званіи Оператора, какъ Члена Врачебной Управы: Лѣкаря Петръ *Гранде-Мезонъ* и Сергѣй *Цвѣтковъ*.

6. Въ званіи Акушера, какъ Члена Врачебной Управы: Докторъ Медицины Адамъ *Непловскій* и Лѣкаря: Эдуардъ *Бергъ*, Владиміръ *Смолинъ* и Владиміръ *Трубачеевъ*.

---

* Означенныя лица написали разсужденія: *Кудрявцевъ* — «*Судьбы Италіи отъ паденія Западной Римской Имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ*;» *Бабстъ*: — «*Государственные мужи древней Греціи въ эпоху ея распаденія*;» *Пахманъ*: — «*О судебныхъ доказательствахъ по древнему Русскому Праву, преимущественно Гражданскому*;» *Минъ*: — «*De dyscrasia typho propria*;» *Быковскій*: — «*De tuberculosis pulmonum et tractus intestinalis sanatione*;» *Смирновъ* — «*De acido urico ejusque momento diagnostico*;» *Редлихъ* — «*De collodio ejusque in Medicina et in Chirurgia usu*;» *Гурновъ* — «*De tuberculosi acuta*» и *Пржиборовскій* — «*De morbo Brigthii*.»

7. Въ степени Лѣкаря: окончившій курсъ ученія въ Дерптскомъ Университетѣ Юлій *Ланцкій*, Кандидатъ Медицины бывшей Московской Медико-Хирургической Академіи Александръ *Дмитріевъ*, вольные слушатели сего Университета: Стипендіатъ Баронета Виллié, Кандидатъ Университета Св. Владиміра Викторъ *Бессеръ*, Николай *Карнатовскій*, Ѳедоръ *Бетельтъ*, Провизоръ Матвѣй *Штейнгардъ*, Генрихъ *Пихлау*, бывшій Студентъ сего Университета Кандидатъ *Кашевскій*.

8. Въ званіи Уѣзднаго Врача: сверхъ-штатный Врачъ Московской Полиціи Лѣкарь Павелъ *Баталинъ*, Лѣкарь Александръ *Дмитріевъ*, Николай *Карнатовскій*, Матвѣй *Штейнгардъ*.

9. Въ степени Провизора: 38 и въ степени Аптекарскаго Помощника: 36.

10. Въ званіи Дентиста: С.-Петербургскій купеческій сынъ Карлъ *Бари*, изъ мѣщанъ Семенъ *Самаринъ*.

11. Выданы свидѣтельства на свободное отправленіе въ Россіи повивальной практики 13 воспитанницамъ Императорскаго Московскаго Воспитательнаго Дома и 29 вольно-приходящимъ слушательницамъ, подвергавшимся испытанію въ Повивальномъ Институтѣ, учрежденномъ при Воспитательномъ Домѣ.

12. На основаніи Высочайше утвержденнаго 1-го Марта 1846 года Положенія о спеціальныхъ испытаніяхъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, удостоено званія Домашнихъ Учителей 11, Учительницъ 27, и 4-мъ лицамъ выданы, по экзамену, свидѣтельства на занятіе мѣстъ учителей Гимназій новѣйшихъ иностранныхъ языковъ.

Оо. Профессоры: *Гейманъ*, *Рулье*, *Соловьевъ*, *Грановскій* и *Шевыревъ* читали поочереди публичныя лекціи въ теченіи первыхъ четырехъ мѣсяцевъ 1851 года. Сборъ за оныя былъ назначенъ для благотворительной цѣли и простирался до 2,332 руб. сер. 60 коп.

Кромѣ настоящихъ должностей, слѣдующіе Гг. Профессоры и Преподаватели занимались особыми трудами: О. П. *Шевыревъ* напечаталъ четыре лекціи, читанныя имъ публично: *Очеркъ Исторіи Живописи Итальянской, сосредоточенной въ Рафаэлѣ и его произведеніяхъ*. Сверхъ того, напечаталъ — въ Московскихъ Вѣдомостяхъ

три статьи, *о Рафаэлевскихъ картонахъ, принадлежащихъ Г. Лухманову*, во Временникѣ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ: *Замѣчанія на критическій разборъ свидѣтельствъ Патерика Печерскаго о Лѣтописи Нестора*, въ Москвитянинѣ: *Теорія смѣшнаго съ примѣненіемъ къ Русской Комедіи*, двѣ лекціи изъ курса Теоріи Поэзіи. О. П. *Брашманъ* помѣстилъ въ Bulletin de l'Académie Impériale статью объ опытѣ Фуко подъ заглавіемъ: Note sur le mouvement du pendule simple. О. П. *Грановскій* напечаталъ четыре лекціи, читанныя имъ публично: Характеристика *Тимура, Александра Великаго, Людовика IX* и *Бэкона*. Сверхъ того, занимался составленіемъ *Учебнаго курса всеобщей Исторіи*. О. П. *Менщиковъ* занимался изъясненіемъ и переводомъ нѣкоторыхъ Платоновыхъ діалоговъ. О. П. *Соловьевъ* издалъ первый томъ *Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ* и приготовилъ къ печати второй; кромѣ того, помѣстилъ нѣсколько статей въ повременныхъ изданіяхъ: Современникѣ, Отечественныхъ Запискахъ и Московскихъ Вѣдомостяхъ. О. П. *Вернадскій* напечаталъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ критическія статьи: *о движеніи населенія въ Россіи 1846 года; о хозяйственно-статистическомъ Атласѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ, о сочиненіяхъ Лярднера и Экономическомъ Лексиконѣ Коклена*, статью: *о желѣзныхъ дорогахъ* и др. О. П. *Гейманъ* издалъ три лекціи, читанныя имъ публично: *Четыре стихіи древнихъ, въ физическомъ, химическомъ, и физіологическомъ отношеніяхъ*, и сверхъ того, читаетъ публичныя лекціи *Технической Химіи для фабрикантовъ*. О. П. *Щуровскій* свободное отъ лекцій время употреблялъ на окончательное составленіе каталоговъ большаго минералогическаго Кабинета. О. П. *Зерновъ* помѣстилъ нѣсколько статей въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. О. П. *Желѣзновъ* занимался разложеніемъ русскихъ почвъ подзоловъ и черноземовъ. О. П. *Спасскій* помѣстилъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и Москвитянинѣ нѣсколько метеорологическихъ статей, кромѣ того напечаталъ въ Вѣдомостяхъ объясненіе Опыта Фуко, для публичнаго повторенія котораго устроилъ особенный приборъ. О. П. *Баршевъ* занимался составленіемъ полнаго Руководства къ уголовному Законовѣдѣнію, которое въ теченіе бу-

дущаго академическаго года надѣется приготовить къ напечатанію. О. П. *Лешковъ* помѣстилъ въ Журналѣ Москвитянинъ статьи: 1. *О древней Московской Полиціи*, 2. *Разборъ диссертаціи Г. Пахмана о судебныхъ доказательствахъ по древнему Русскому Праву*, и 3. рецензію на изданіе II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи: Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи, I Т. О. П. *Севрукъ* продолжалъ печатать переводъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ патологической Анатоміи Бока и занимался опытами надъ живыми животными и преимущественно собаками относительно вліянія масляной кислоты (acidi butyrici) и ей подобныхъ тѣлъ. По поводу сходства явленій послѣ впрыскиванія этой кислоты въ жилы живыхъ животныхъ и послѣ отравленія людей сырою бѣлужиною или рыбьимъ ядомъ вообще (Fischgift), помѣстилъ въ Московскомъ Врачебномъ Журналѣ статью: *о вліяніи масляной кислоты на живой животный организмъ*. Въ этомъ же журналѣ помѣстилъ статью о различіи между огневикомъ (anthrax) и углевикомъ (carbunculus) и описаніе рѣдкаго болѣзненнаго случая: cholesteatama въ полости черепа, и въ Другѣ здравія напечаталъ статью *о неправильныхъ положеніяхъ кишечнаго канала*, сверхъ того приготовилъ къ напечатанію статью подъ заглавіемъ: *Объясненіе, почему мы видимъ предметы въ прямомъ положеніи, когда изображеніе оныхъ на нервной оболочкѣ глаза (retina) представляется превратно.* И. д. Э. О. П. *Буслаевъ* помѣстилъ въ сборникѣ «Пропилеи» статью: *Женскіе типы въ изваяніяхъ греческихъ богинь*, во «Временникѣ,» издаваемомъ отъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ статью: *Лютичи, Вильцы и Волчки въ исторіи языка*; въ журналѣ «Отечественныя Записки» статью: *Эпическая поэзія*; въ Московскихъ Вѣдомостяхъ печаталъ статьи: *о Русскихъ обычаяхъ, языкѣ и преданіяхъ*, во 2-мъ томѣ «Архива» Г. *Калачева* — сочиненіе о Русскихъ пословицахъ съ приложеніемъ текста оныхъ преимущественно по древнѣйшимъ сборникамъ. Сверхъ того, приготовилъ къ печати разборъ сочиненія Павскаго: «Филологическія наблюденія надъ составомъ Русскаго языка.» — Испр. дол. Э. О. Проф. *Леонтьевъ* издалъ первый томъ сборника статей по классической

древности, подъ заглавіемъ «Пропилеи,» въ которомъ помѣщены собственныя статьи: о различіи стилей въ древнемъ ваяніи, объ Эгинскихъ мраморахъ, о Венерѣ Таврической, о Бакхическомъ памятникѣ Графа С. С. Уварова, о новой теоріи греческой Архитектуры, предложенной Бёттихеромъ, и обзоръ изслѣдованій о древностяхъ сѣвернаго берега Чернаго моря; занимался печатаніемъ втораго тома «Пропилеи,» помѣстилъ нѣсколько статей въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и приступилъ къ разбору Университетскаго Минцъ-Кабинета и составленію каталога. Испр. дол. Э. О. П. *Кудрявцевъ* напечаталъ въ сборникѣ «Пропилеи» статью: *Римскія женщины по Тациту*, и въ журналѣ «Отечественныя Записки» статью: *Объ исторической достовѣрности*. О. П. *Анке* помѣстилъ двѣ статьи въ С.-Петербургскихъ Медицинскихъ газетахъ. — Адъюнктъ *Шестаковъ* напечаталъ въ сборникѣ Г. Леонтьева «Пропилеи» статью: о Параситахъ и Софоклѣ и переводъ Софокловой трагедіи: «Эдипъ Царь.» — И. д. Адъюнкта *Шуховскій* готовитъ къ изданію разсужденіе о сочиненіи Горація: de Arte Poetica. — Адъюнктъ *Варнекъ* приготовилъ къ печати исторію развитія рыбы изъ наблюденій, сдѣланныхъ въ 1849 году, и помѣстилъ въ Московскомъ Врачебномъ Журналѣ Г. Полунина статью: *Объ отдѣленіи желчи*. Адъюнктъ *Ершовъ* напечаталъ статьи въ Московскихъ Вѣдомостяхъ: 1. объ антрацитѣ въ Россіи, 2. Разборъ сочиненій Мейера о мукомольныхъ мельницахъ, 3. о желѣзныхъ дорогахъ и паровозахъ, 4. объ опытѣ Фуко и 5. Усовершенствованіе въ ковкѣ желѣза. Кромѣ того участвовалъ въ изданіи сочиненія: «Практическое наставленіе для обращенія съ паровыми машинами.» Адъюнктъ *Давидовъ* издалъ «*Теорію Капиллярныхъ явленій*.» И. д. Адъюнкта *Драшусовъ* производилъ въ продолженіе года постоянныя наблюденія полуденнымъ кругомъ для опредѣленія положеній новыхъ планетъ; выведенные изъ сихъ наблюденій результаты для Нептуна и Ириды помѣстилъ въ XXXIII томѣ Astronomische Nachrichten, и напечаталъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ статью: *О солнечныхъ затмѣніяхъ вообще*. И. д. Адъюнкта *Гиварговскій* занимался изслѣдованіемъ жирныхъ веществъ, глицеріона и препаратовъ, употребляемыхъ въ Медицинѣ, о которыхъ

сообщалъ онъ въ засѣданіи общества Физико-Медицинскаго; и напечаталъ въ Московскомъ Врачебномъ журналѣ статью: «о жидкости уничтожающей зловоніе.» И. д. Адъюнкта Астрономъ-наблюдатель Швейцеръ напечаталъ въ Bulletin des Naturalistes de Moscou статью: *О высотѣ полюса въ здѣшней обсерваторіи;* въ Августѣ мѣсяцѣ минувшаго года открылъ комету, сдѣлалъ экспедицію въ Мохновку для наблюденія полнаго солнечнаго затмѣнія и написалъ отчетъ объ этомъ путешествіи. И. д. Э. О. П. *Калачевъ*, по званію члена Археографической Коммиссіи, занимался отысканіемъ матеріаловъ для изданія Коммиссіи въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Синодальной (Патріаршей) Библіотекѣ; приводилъ въ порядокъ матеріалы, собранные имъ для диссертаціи: «*о сошномъ письмѣ въ древней Россіи*» и печаталъ второй томъ своего «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи.» О. П. *Оверъ* издалъ 4-й и послѣдній томъ сочиненія: Selecta praxis Medico-Chirurgicae, quam Mosquae exercet Alexander Auvert. Э. О. П. *Броссе* напечаталъ въ Московскомъ Врачебномъ журналѣ статью: объ Альбиносахъ, которые были наблюдаемы въ Московской Глазной Больницѣ. Э. О. П. *Басовъ* напечаталъ въ Московскомъ Врачебномъ журналѣ на Русскомъ языкѣ рѣчь: *О могуществѣ природы, наблюденіе о бродящей рожѣ и описаніе рѣдкой величины слоноваго камня*; въ Москвитянинѣ: отрывокъ изъ воспоминаній путешественника о Парижскомъ Ботаническомъ садѣ и пр. Э. О. П. *Полунинъ* издавалъ Московскій Врачебный журналъ, въ которомъ напечаталъ слѣдующія собственныя статьи: 1. Рѣчь, произнесенную имъ 8 Января 1851 года въ публичномъ засѣданіи Московскаго Физико-Медицинскаго общества, 2. Отчетъ объ изслѣдованіи умершихъ въ Госпитальной Клиникѣ Университета, 3. о тифѣ, 4. о крови здороваго и больнаго человѣка, 5. Разборъ сочиненія Доктора Фонъ-Гюббснета подъ заглавіемъ: «Наблюденія надъ холерною эпидиміею въ Кіевскомъ военномъ Госпиталѣ, въ 1848 году,» 6. Переводъ сочиненія *Шкоды* о постукиваніи и выслушиваніи, какъ о средствахъ распознавать болѣзни. Сверхъ того, по званію Секретаря Московскаго Физико-Медицинскаго общества, составлялъ и печаталъ прото-

колы засѣданій этого общества. — И. д. ученаго Аптекаря *Лясковскій* занимался изслѣдованіемъ 1. органическихъ остатковъ мамонта, 2. диппеллова масла, 3. маргарина, 4. продуктовъ разложенія маргариновой кислоты, 5. кротоновой кислоты, 6. Радемахеровыхъ средствъ и нѣкоторыхъ другихъ веществъ, и о результатахъ этихъ изслѣдованій сообщилъ отчасти на лекціяхъ, отчасти въ Московскомъ Врачебномъ журналѣ, отчасти въ засѣданіяхъ Императорскаго Общества Испытателей Природы и Московскаго Физико-Медицинскаго общества; напечаталъ въ Московскомъ Врачебномъ журналѣ статьи: 1. замѣчанія о бѣлужиномъ ядѣ, 2. фармакологическія особи и 3. опредѣленіе питательности продажныхъ сортовъ хлѣба посредствомъ одной сушки, — въ Московскихъ Вѣдомостяхъ: «замѣчанія на рецензію 1-го выпуска Московскаго Врачебнаго журнала за 1851 годъ,» напечатанную въ 9-мъ нумерѣ Отечественныхъ Записокъ за 1851 годъ. — Адъюнктъ *Матюшенковъ* помѣстилъ въ Московскомъ Врачебномъ журналѣ статью: *о леченіи травматическихъ аневризмъ давленіемъ*. — Лекторъ *Пако* издалъ вторымъ изданіемъ книжку: Principes de prononciation, de lecture, d'orthographe françaises et choix de récits. Лекторъ *Фелькель* продолжаетъ заниматься составленіемъ Исторіи Нѣмецкой литературы съ древнѣйшихъ до новѣйшихъ временъ, основанной на исторіи языка. Лекторъ *Монастье* напечаталъ второе изданіе своего вопросительнаго метода для изученія Французскаго языка. — Хранитель музея *Ренаръ* издалъ каталогъ насѣкомыхъ Мочульскаго и занимался редакціею Bulletin и новаго Мемуара, издаваемыхъ Московскимъ обществомъ Испытателей Природы.

Ученыя пособія получили слѣдующія приращенія: 1. въ Библіотеку поступило 593 сочиненія въ 1149 томахъ; 2. Для музея Университета получено въ даръ: I) Отъ Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы: a) коллекція Бразильскихъ рѣдкихъ бабочекъ въ числѣ 40 экземпляровъ, пожертвованная Графомъ Мишекъ; — отъ него же, самый рѣдкій и новый видъ прямокрылыхъ (Bacteria sarmentosa), съ Гималайскаго хребта. b) Коллекція превосходныхъ жесткокрылыхъ насѣкомыхъ: 43 экземпляровъ изъ Портъ-Наталь, присланные отъ Дорна, изъ

Штетина. c) 50 экземпляровъ рѣдкихъ жесткокрылыхъ насѣкомыхъ изъ Алжиріи, Испаніи и Южной Франціи, полученные изъ Парижа отъ Г-на Бигкета. d) Фазанъ ожерельчатый и Гагара (Colymbus arcticus) отъ Г-на Ильина изъ Симферополя. 2. Отъ Князя Долгорукаго, студента Московскаго Университета, птица изъ рода Tanagra. 3. Отъ Г-на Сѣверцова 3 экземляра птицъ: Trochilus, Barita Tibecen и Podiceps. 4. Отъ Г-на Щеголева, ястребъ желтоголовый, Московской губерніи. 5. Отъ Г-на Климашевскаго, студента Юридическаго Факультета, два гнѣзда птицы Ремиза (Parus pendulinus), изъ Минской губерніи. 6. Отъ Г-жи Юдицкой, вѣникъ шелковичныхъ червей съ коконами, изъ Московскихъ шелковичныхъ заведеній. II) Пріобрѣтено покупкою: 1. Отъ Г-на Профессора Ярославскаго Лицея *Ценковскаго*, собранные имъ во время путешествія его по Африкѣ 54 экз. рѣдкихъ птицъ, 3 экз. звѣрей и 1 экз. изъ породы ящерицъ. 2. Отъ содержателя звѣринца Берга шкура дикой Перувіанской Ламы. И того въ теченіе года пріобрѣтено 188 экземпляровъ. Въ Ботаническій садъ поступило: A. въ даръ сѣмянъ: 1. изъ Императорскаго С.-Петербургскаго сада 94 вида; 2. изъ Университетскаго Дерптскаго сада 122 вида; 3. изъ Кіевскаго Ботаническаго сада 135 видовъ. 4. Отъ Профессора Желѣзнова 12 видовъ. 5. Отъ Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы 4 вида. 6. Отъ разныхъ лицъ 10 видовъ. B. Мѣною: живыхъ растеній 5 видовъ. Для Анатомическаго Кабинета вновь приготовлено Прозекторомъ Анатоміи тѣла человѣческаго Соколовымъ микроскопическихъ препаратовъ, изображающихъ инъекцированную кровоносную волосную систему тканей и органовъ тѣла человѣческаго, 357 экземпляровъ. Для Обсерваторіи Московскаго Университета пріобрѣтены: 1. Фелдштехеръ работы Вѣнскаго оптика Плёсселя. 2. Изданій на русскомъ и иностранныхъ языкахъ 36 томовъ. 3. Топографическій атласъ Россіи въ 60 листовъ.

Вообще ученыя пособія находились въ слѣдующемъ состояніи: 1. въ Библіотекѣ находилось 56,473 сочиненія въ 85,837 томахъ: 2. въ Физическомъ Кабинетѣ 386 инструментовъ и снарядовъ и 7 технологическихъ моделей; 3. въ Зоологическомъ Кабинетѣ всѣхъ

животныхъ и ихъ частей 65,445 экземпляровъ; 4. въ Минералогическихъ Кабинетахъ всѣхъ минераловъ 11,212 (8,342 въ большомъ и 2,870 въ маломъ), всѣхъ ископаемыхъ 2,185; сверхъ того, при Кабинетахъ находится полное собраніе инструментовъ для химическаго испытанія минераловъ сухимъ путемъ и для опредѣленія оптическихъ признаковъ; 5. въ Гербаріумѣ сухихъ растеній до 12,000 видовъ; 6. въ Ботаническомъ саду 7,100 видовъ; 7. въ Минцъ-Кабинетѣ состоитъ 15,511 монетъ и медалей; 8. въ Астрономической Обсерваторіи инструментовъ и снарядовъ 36; 9. въ Зоотомическомъ Кабинетѣ, принятомъ изъ бывшей Медико-Хирургической Академіи, препаратовъ 200 и инструментовъ 150: 10. въ Анатомическомъ кабинетѣ 6,634 препарата и 1,156 инструментовъ; 11. въ Кабинетѣ Сравнительной Анатоміи и Физіологіи 2,276 препарата и 34 инструмента. Сверхъ того при Университетѣ находятся особыя библіотеки: 1. Библіотека казенныхъ Студентовъ изъ 2,507 сочиненій и 12 періодическихъ изданій и 2. Библіотека Русской Словесности, учрежденная для перваго курса Орд. Профессоромъ *Шевыревымъ*, которая состоитъ нынѣ изъ 302 томовъ.

Въ Университетскихъ клиникахъ находилось больныхъ:

1. *Въ Факультетской Клиникѣ:*

a) Въ Терапевтическомъ Отдѣленіи въ теченіи минувшаго года было больныхъ 398, изъ нихъ выздоровѣло 304, умерло 42, остается 52; приходящихъ за совѣтомъ больныхъ было 2253 человѣкъ.

b) Въ Хирургическомъ Отдѣленіи всего состояло больныхъ 253, выздоровѣло 86, умерло 19, остается 48; приходящихъ за совѣтомъ больныхъ было 2686. Большихъ операцій было сдѣлано 39, малыхъ 266.

c) Въ Акушерскомъ Отдѣленіи оставшихся къ 1-му Января 1851 года беременныхъ и роженицъ было 16, вновь поступившихъ 563, изъ нихъ разрѣшившихся отъ беременности 566 и 13 остались на 1852 годъ. Изъ числа 566 родовъ 532 было правильныхъ, а 34 представляли значительныя уклоненія, соотвѣтственно которымъ были произведены различныя акушерскія операціи, а именно: 7 разъ

наложеніе щипцовъ, 4 разъ поворотъ младенца на ножки, 14 разъ извлеченіе младенца за ножки, 9 разъ отдѣленіе приросшихъ и заключенныхъ въ маткѣ дѣтскихъ мѣстъ. Изъ вышеписаннаго числа родовъ двойчатыхъ было 12, такъ что на 566 родовъ родилось 573 дѣтей, а именно: мальчиковъ 305, а дѣвочекъ 273; въ томъ числѣ недоносковъ 9, мертворожденныхъ 43 (21 мальчикъ и 22 дѣвочки). Изъ числа 566 роженицъ заболѣвшихъ было 156, изъ коихъ выздоровѣло 146, 8 умерло, а 2 остались къ 1-му Января 1852 года.

II. *Въ Госпитальной Клиникѣ*:

a) Въ Терапевтическомъ Отдѣленіи къ 1-му числу Января 1851 года состояло больныхъ 1047. Изъ нихъ выздоровѣло 782, умерло 156, осталось 29.

b) Въ Хирургическомъ Отдѣленіи было пользовано 451 человѣкъ; изъ нихъ выздоровѣло 310, умерло 29, осталось на излѣченіи 112 человѣкъ. Важнѣйшихъ хирургическихъ операцій произведено 54, а именно: камнесѣченій 22, вырѣзыванія камней ex parte membranacea urethrae 2, камнедробленій 2, грыжесѣченіе 1, операція водяной грыжи 1, отнятіе бедра 1, отнятіе плеча 1, отнятіе пальца руки 1, вылущеніе лишняго пальца руки 1, вырѣзываніе рака на щекѣ, на верхней и нижней губахъ съ образованіемъ искусственныхъ губъ и вылущеніемъ средней части нижней челюсти 1, вырѣзываніе рака нижней губы съ образованіемъ искусственной губы и вылущиваніемъ подчелюстной желѣзы 1, вырѣзываніе кровоточнаго нароста на бедрѣ 1, вырѣзываніе кровоточнаго нароста на спинѣ 1, вырѣзываніе жировиднаго нароста на шеѣ 1, вырѣзываніе жироводнаго нароста на лѣвой икрѣ 1, вырѣзываніе фиброзной опухоли на щекѣ 1, вырѣзываніе мѣшетчатыхъ опухолей на разныхъ частяхъ тѣла 4, вырѣзываніе мяснаго нароста (épulis) на деснахъ 1, вырѣзываніе teleangiectasiae labii superioris 1, вырѣзываніе злокачественнаго прыща на нижней губѣ 1, перерѣзываніе ахилловой жилы 1, сверленіе черепа 1, перевязываніе полипа въ зѣвѣ 1, обра-

зованіе искусственнаго задняго прохода 1, заячьей губы 1, прободеніе брюха (paracenthesis abdominis) 1, проведеніе лигатуры per teleangiectasiam на щекѣ 1, circumcisionis praeputii 1.

III. *Въ Студенческой больницѣ* находилось больныхъ 251 человѣкъ, изъ нихъ выздоровѣло 234, умерло 3, осталось на излѣченіи 14 человѣкъ.

Студенты Медицинскаго Факультета 4-го и 5-го курсовъ участвовали въ лѣченіи больныхъ и при производствѣ операцій, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Профессоровъ и Адъюнктовъ Клиникъ; нѣкоторые Студенты 5-го курса допущены были въ Хирургическомъ Отдѣленіи Госпитальной Клиники къ производству важнѣйшихъ операцій и всѣ безъ исключенія упражняемы были въ операціяхъ, относящихся до малой Хирургіи.

Въ Университетской Типографіи отпечатано книгъ и диссертацій на ученыя степени 73 названій; собрано за Московскія Вѣдомости, объявленія и книги 110,049 руб. $21\frac{3}{4}$ коп.; употреблено на расходъ 32,424 руб. $20\frac{1}{2}$ коп. серебромъ; вообще въ Типографіи отпечатано 8,855,240 листовъ.

Состоящія при Университетѣ Ученыя Общества продолжали свои занятія: 1. Императорское Московское Общество Испытателей Природы имѣло 7 очередныхъ и 3. неочередныхъ засѣданія, въ которыхъ были читаны сочиненія по части Зоологіи, Ботаники, Минералогіи, Палеонтологіи и Химіи. — Общество издало подъ Редакціею перваго Секретаря К. И. *Ренара*, четыре книги повременныхъ записокъ своихъ (Bulletin de la Société des Naturalistes de Moscou). Кромѣ того, подъ его же редакціею изданъ новый 9 томъ Memoires de la Société des Naturalistes de Moscou и каталогъ жесткокрылыхъ насѣкомыхъ Г. *Могульскаго*. Всѣ помѣщенныя въ запискахъ статьи суть оригинальныя и касаются почти исключительно Россіи. При Обществѣ находится: Библіотека, которая въ прошломъ году состояла изъ 16,850 томовъ, стоющихъ около 31,500 руб. серебр.; собраніе ландкартъ, собраніе портретовъ Естествоиспытателей и Врачей и собраніе насѣкомыхъ; нѣсколько Московскихъ окаменѣлостей

и травохранилище. Въ истекшемъ году Общество получило въ даръ: отъ Г. Вице-Президента и нѣкоторыхъ Гг. Членовъ собранія разныхъ естественныхъ предметовъ и отъ Обществъ, мѣстъ и лицъ, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ, разныя сочиненія, по содержанію преимущественно относящіяся къ Естественной Исторіи и путешествіямъ.

2. Императорское *Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ* имѣло 9 засѣданій, въ коихъ читаны разныя историческія разсужденія и изслѣдованія, а также и вновь открытые замѣчательнѣйшіе источники для Русской Исторіи. Кромѣ того, оно посвятило три засѣданія на составленіе новаго проэкта Устава своего Общества, который окончательно разсмотрѣнъ и представляется къ Господину Министру Народнаго Просвѣщенія для представленія Государю Императору на утвержденіе. — Пользуясь Высочайше дарованнымъ пособіемъ для ученыхъ предпріятій, Общество въ минувшемъ 1851 году издало 9, 10 и 11-ю книжки своего «Временника,» составляющія до 110-ти листовъ компактной печати, и отпечатало до 30-ти листовъ, и половину 4-го тома «Повѣствованія о Россіи,» сочин. покойнаго своего Дѣйствительнаго Члена И. С. *Арцыбышева*. Въ изданныхъ книжкахъ «Временника» помѣщены разныя оригинальныя сочиненія, матеріалы и переводы съ иностранныхъ языковъ, до Русской Исторіи относящіяся: Г. Предсѣдателя А. Д. *Черткова*, Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: А. Н. *Аѳанасьева*, О. И. *Буслаева*, И. Д. *Бѣляева*, Князя П. П. *Вяземскаго*, К. О. *Малковскаго*, Князя М. А. *Оболенскаго*, А. Н. *Попова*, С. П. *Шевырева*, Барона Д. О. *Шеппинга*, и Ф. *Эрдмана*, также Соревнователей: А. К. *Кочубея*, А. *Перлштейна*, С. А. *Серебряникова* и другихъ сторонникъ ученыхъ, неравнодушныхъ къ занятіямъ Общества и успѣхамъ Исторіи и Древностей Россіи. — Въ составѣ Общества произошли слѣдующія перемѣны: *избраны:* а) въ Дѣйствительные Члены: С. К. *Смирновъ*, Князь П. П. *Вяземскій*, А. Н. *Аѳанасьевъ* и К. О. *Малковскій*, и б) въ Соревнователи: Г-да: П. И. *Савваитовъ*, К. О. *Александровъ-Дольникъ*, Н. И. *Второвъ* и С. А. *Серебряниковъ*. — Въ томъ же году скончались: Почетные Члены — И. Г. *Сенявинъ* и Х. Д. *Френъ*, и Дѣй-

ствительный Членъ В. А. *Польновъ*. — Секретарь, Дѣйствительный Членъ И. Д. *Бѣляевъ* вторично избранъ на слѣдующее трехъ-лѣтіе Секретаремъ Общества. — Особеннымъ замѣчаніемъ въ лѣтописяхъ Общества можно отмѣтить то, что Družtvo za Iugoslavensku Povestnicu i starine предложило свои труды и желаніе быть въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Московскимъ Историческимъ Обществомъ, которымъ и принято желаніе Югославянскаго Дружества.

5. *Физико-Медицинское Общество*, учрежденное при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, въ теченіи 1851-го года, имѣло 9 засѣданій: одно публичное и восемь обыкновенныхъ. Въ публичномъ засѣданіи Д. Ч. и Секретарь Общества А. И. *Полунинъ* читалъ рѣчь, въ которой изложилъ отношеніе Медицины къ наукамъ естественнымъ и современное направленіе Патологіи, показалъ необходимость ученыхъ медицинскихъ обществъ, цѣль ихъ и направленіе Московскаго Физико-Медицинскаго Общества. Въ заключеніе онъ изложилъ составъ и дѣятельность Физико-Медицинскаго Общества въ истекшемъ 1850 г. — Д. Ч. Д. Е. *Минъ* читалъ о вліяніи воздуха и нѣкоторыхъ другихъ дѣятелей природы на организмъ человѣка. — Д. Ч. В. А. *Басовъ* представилъ собранію спасеннаго имъ посредствомъ операціи молодаго врача, погибавшаго отъ горловой чахотки. Въ обыкновенныхъ засѣданіяхъ Члены Общества читали оригинальныя статьи по разнымъ отраслямъ Медицины и сообщали исторіи замѣчательнѣйшихъ больныхъ; разсуждали о характерѣ господствующихъ болѣзней, при чемъ основывались на наблюденіяхъ клиническихъ и на результатахъ трупосѣченій; постоянно были представляемы Обществу анатомико-патологическіе препараты, собираемые при изслѣдованіи труповъ, и рисунки, изображающіе разныя болѣзненныя измѣненія въ строеніи человѣческаго тѣла; сообщаемы были извѣстія о важнѣйшихъ открытіяхъ и изслѣдованіяхъ въ области Медицины. — Общество избрало а) въ Дѣйствительные Члены Ординарныхъ Профессоровъ Императорскаго Московскаго Университета Л. С. *Севрука* и М. О. *Спасскаго* и Адъюнкта К. Я. *Млодзѣевскаго*; b) въ Члены-Корреспонденты: Докторовъ Медицины И. И. *Минкевича* и П. А. *Быковскаго*.

По общемъ соображеніи познаній и поведенія окончившихъ курсъ ученія Студентовъ, Университетскимъ Совѣтомъ, согласно заключенію Факультетовъ, удостоены:

I. СТЕПЕНИ КАНДИДАТА.

Историко-Филологическаго Факультета:

1. Петръ Безсоновъ (своекошт.).
2. Владиміръ Собчаковъ (казеннок).
3. Иванъ Маракуевъ (своекошт.)
4. Петръ Васильчиковъ (своекошт.).
5. Иванъ Костинскій (своекошт.)
6. Петръ Бартеневъ (своекошт.).
7. Александръ Прейсъ (своекошт.)
8. Ѳедоръ Дерюжинскій (своекошт.).
9. Станиславъ Микуцкій (стипенд. Царст. Польск.)
10. Карлъ Зедергольмъ (своекошт.)
11. Николай Новиковъ (казеннок.)
12. Иванъ Глѣбовъ (казеннок.)
13. Василій Павловъ (казеннок.).
14. Алексѣй Казановичъ (своекошт.).
15. Борисъ Залѣсскій (своекошт.).
16. Дмитрій Сабининъ (своекошт.).
17. Николай Возницынъ (своекошт.).

Физико-Математическаго Факультета:

а) по отдѣлу математическихъ наукъ:

1. Сергѣй Терновскій (своекошт.).
2. Николай Любимовъ (своекошт.).
3. Александръ Смирновъ (своекошт.).
4. Сергѣй Иракліоновъ (своекошт.)
5. Иванъ Кученевъ (своекошт.).
6. Андрей Кистеръ (своекошт.)
7. Николай Вильканецъ (казеннок.).

8. Николай Семеновъ (своекошт.).
9. Степанъ Ершовъ (своекошт.).
10. Василій Богачевъ (своекошт.).
11. Василій Ковачевъ (своекошт.).
12. Николай Алексѣевъ (своекошт.).

в) по отдѣлу естественныхъ наукъ:

1. Владиміръ Мошнинъ (своекошт.).
2. Степань Гулькевичь (своекошт.).
3. Петръ Перевощиковъ (своекошт.).
4. Андрей Минъ (своекошт.).
5. Василій Рясовскій (своекошт.).
6. Адамъ Гедвилло (своекошт.).

Юридическаго Факультета.

1. Ѳедоръ Островскій (своекошт.).
2. Александръ Лохвицкій (своекошт).
3. Николай Албертини (своекошт.).
4. Владиміръ Даль (восп. Моск. Прик. Об. Призр.).
5. Алексѣй Калачевъ (своекошт.).
6. Владиміръ Ляховъ (своекошт.).
7. Ѳедоръ Барыковъ (своекошт.).
8. Константинъ Бестужевъ-Рюминъ (своекошт.).
9. Эдуардъ Свенторжецкій (своекошт.).
10. Евгеній Бѣлюстовъ (восп. Кишин. Гимн.).
11. Николай Кидошенковъ (своекошт.).
12. Александръ Пановъ (своекошт.).
13. Николай Смирновъ (своекошт.).
14. Владиміръ Бѣлокрыльцевъ (своекошт.).
15. Ѳедотъ Васильевъ (своекошт.).
16. Иванъ Ивинскій (своекошт.).
17. Павелъ Измайловъ (своекошт.).
18. Александръ Линевичъ (своекошт.).
19. Александръ Покровскій (своекошт.).

20. Михаилъ Міансаровъ (восп. Закав. края).
21. Александръ Губеръ (своекошт.).
22. Станиславъ Наркевичъ (восп. Вил. Уч. Окр.).
23. Людиміръ Малецкій (своекошт.).
24. Адольфъ Савичъ (своекошт.).
25. Адольфъ Сомме (своекошт.).
26. Адольфъ Тольхъ (своекошт.).
27. Николай Шилингъ (своекошт.).
28. Николай Аленниковъ (своекошт.).
29. Ѳома Кросницкій (своекошт.).
30. Иванъ Радкевичъ (своекошт.).
31. Михаилъ Снегиревъ (своекошт.).
32. Платонъ Травинъ (своекошт.).
33. Николай Шаповаловъ (своекошт.).
34. Іосифъ Мечковскій (восп. Вил. Учеб. Окр.).
35. Павелъ Плохоцкій (своекошт.).
36. Викторъ Рупневскій (своекошт.).
37. Евгеній Ѳеоктистовъ (восп. Моск. Прик. Общ. Призр.).

II. ЗВАНІЯ ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО СТУДЕНТА.

Историко-Филологическаго Факультета.

1. Василій Архангельскій (казеннок.).
2. Николай Поповъ (своекошт.).
3. Станиславъ Деспотъ-Зеновичъ (своекошт.).
4. Иванъ Кашкадамовъ. (восп. Моск. Восп. Дома).
5. Діонисій Маркевичъ (своекошт.).
6. Иванъ Филаретовъ (казеннок.).
7. Францъ Фаусекъ (своекошт.).
8. Александръ Шереметевскій (восп. Моск. Восп Дома).
9. Степанъ Теръ-Мыкыртычьянцъ (своекошт.).
10. Григорій Терновскій (своекошт.).
11. Владиміръ Голицинскій (восп. Моск. Восп. Дома).

Физико-Математическаго Факультета:

a) по отдѣлу математическихъ наукъ:

1. Николай Эльмаловичъ (восп. Закав. кр.).
2. Василій Савостьяновъ (своекошт.).
3. Дмитрій Ершовъ (своекошт.).
4. Артемій Петровъ (своекошт.).
5. Николай Курбатскій (восп. Моск. Восп. Дома).
6. Евстафій Квасневскій (своекошт.).
7. Владиміръ Каленкевичъ (своекошт.).
8. Артемій Узбашъ (восп. Закав. Края).
9. Иванъ Хонджіевъ (восп. Закав. Края).
10. Николай Ярошевскій (своекошт.).
11. Ипполитъ Калюшъ (своекошт.).

b) по отдѣлу естественныхъ наукъ:

1. Михаихъ Салтыковъ (своекошт.).
2. Каетанъ Тамулевичъ (восп. Вил. Учеб. Окр.).
3. Сергѣй Титовъ (своекошт.).
4. Флоріанъ Кимбаръ (своекошт.).
5. Николай Петровъ (своекошт.).
6. Нарцисъ Мрайскій (восп. Вил. Уч. Окр.).
7. Илья Романовъ (своекошт.).
8. Сергѣй Ивановъ (восп. Моск. Восп. Дома).
9. Рафаилъ Добровольскій (своекошт.).
10. Антонъ Мрайскій (восп. Вилен. Уч. Окр.).
11. Владиміръ Чичеринъ (своекошт.).
12. Павелъ Козловъ (восп. Моск. Восп. Дома).
13. Эдуардъ Веллеръ (своекошт.).
14. Иванъ Козловъ (своекошт.).
15. Іосифъ Лопатинъ (своекошт.).
16. Константинъ Аоанасьевъ (своекошт.).
17. Василій Каппистъ (своекошт.).
18. Иванъ Сидоровичъ (своекошт.).

20. Михаилъ Міансаровъ (восп. Закав. края).
21. Александръ Губеръ (своекошт.).
22. Станиславъ Наркевичъ (восп. Вил. Уч. Окр.).
23. Людиміръ Малецкій (своекошт.).
24. Адольфъ Савичъ (своекошт.).
25. Адольфъ Сомме (своекошт.).
26. Адольфъ Тольхъ (своекошт.).
27. Николай Шилингъ (своекошт.).
28. Николай Аленниковъ (своекошт.).
29. Ѳома Кросницкій (своекошт.).
30. Иванъ Радкевичъ (своекошт.).
31. Михаилъ Снегиревъ (своекошт.).
32. Платонъ Травинъ (своекошт.).
33. Николай Шаповаловъ (своекошт.).
34. Іосифъ Мечковскій (восп. Вил. Учеб. Окр.).
35. Павелъ Плохоцкій (своекошт.).
36. Викторъ Рупневскій (своекошт.).
37. Евгеній Ѳеоктистовъ (восп. Моск. Прик. Общ. Призр.).

II. ЗВАНІЯ ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО СТУДЕНТА.

Историко-Филологическаго Факультета.

1. Василій Архангельскій (казеннок.).
2. Николай Поповъ (своекошт.).
3. Станиславъ Деспотъ-Зеновичъ (своекошт.).
4. Иванъ Кашкадамовъ. (восп. Моск. Восп. Дома).
5. Діонисій Маркевичъ (своекошт.).
6. Иванъ Филаретовъ (казеннок.).
7. Францъ Фауссекъ (своекошт.).
8. Александръ Шереметевскій (восп. Моск. Восп Дома).
9. Степанъ Теръ-Мыкыртычьянцъ (своекошт.).
10. Григорій Терновскій (своекошт.).
11. Владиміръ Голицинскій (восп. Моск. Восп. Дома).

22. Порфирій Андреевъ (Восп. Моск. Вос. Дома).
23. Андрей Львовъ (своекошт.).
24. Сергѣй Правдинъ (своекошт.).
25. Викторъ Сытинъ (своекошт.).
26. Викторъ Бѣлявскій (своекешт.).
27. Сергѣй Кандорскій (своекошт.).
28. Василій Коробковъ (своекошт.).
29. Иванъ Никоновъ (своекошт.).
30. Павелъ Прохоровъ (своекошт.).
31. Еразмъ Малиновскій (своекошт.).
32. Василій Поповъ (своекошт.).
33. Александръ Знаменскій (своекошт.).
34. Николай Колтышинъ (своекошт.).
35. Адамъ Комаровскій (своекошт.).
36. Дмитрій Садомцевъ (своекошт.).
37. Дмитрій Сѣверцевъ (своекошт.).
38. Александръ Янушевичь (своекошт.).
39. Петръ Бородинъ (своекошт.).
40. Петръ Гофманъ (своекошт.).
41. Евгеній Масловъ (своекошт.).
42. Василій Розановъ (своекошт.).
43. Петръ Самплонскій (восп. Тамб. Пр. Общ. Приз.).
44. Николай Гаевскій (своекошт.).
45. Эдмундъ Козловскій (своекошт.).
46. Константинъ Сидоровичь (своекошт.).
47. Петръ Антоновъ (своекошт.).
48. Павелъ Курнаевъ (своекошт.).
49. Иванъ Невяровскій (своекошт.).
50. Иванъ Шадиновъ (своекошт.).
51. Семенъ Аскархановъ (своекошт.).
52. Казимиръ Эбертъ (своекошт.).
53. Павелъ Бинецкій (своекошт.).
54. Карлъ Цѣханскій (своекошт.).
55. Симфоріонъ Варховскій (своекошт.).

36. Михаилъ Мемель (восп. Моск. Вос. Дома).
37. Яковъ Цукерманъ (своекошт.).

III. СТЕПЕНИ ЛѢКАРЯ.

1. Давидъ Волькенштейнъ (своекошт.).
2. Осипъ Сыцянко (своекошт.).
3. Иванъ Грелль. (своекошт.).
4. Викторъ Бессеръ (Стип. Бар. Вилье).
5. Сергѣй Страховъ (своекошт.).

} съ отличіемъ.

6. Карлъ Зенгеръ (своекошт.).
7. Николай Шатеневъ (своекошт.).
8. Василій Функендорфъ (своекошт.).
9. Михаилъ Заболоцкій (казеннок.).
10. Ермилъ Здравомысловъ (своекошт.).
11. Владиміръ Дзерожинскій (своекошт.).
12. Родіонъ Краснопѣвцевъ (своекошт.).
13. Болеславъ Вырвичъ (своекошт.).
14. Іосифъ Лещинскій (своекошт.).
15. Евстафій Кочержинскій (каз. стип.).
16. Николай Страховъ (своекошт.).
17. Александъ Фрезе (своекошт.).
18. Александръ Холодковскій (казеннок.).
19. Брониславъ Загоровскій (своекошт.).
20. Эдмундъ Пукшта (своекошт.).
21. Матвѣй Штейнгардъ (вольн. слуш.).
22. Дмитрій Страховъ (своекошт.).
23. Михаилъ Сумбулъ (своекошт.).
24. Владиміръ Делекторскій (казеннок.).
25. Іоахимъ Шергандъ (своекошт.).
26. Михаилъ Акиноіевъ (казен. стип.).
27. Николай Виноградскій (своекошт.).
28. Іосифъ Головня (своекошт.).
29. Юліанъ Гудвилловичъ (своекошт.).

22. Порфирій Андреевъ (Восп. Моск. Вое. Дома).
23. Андрей Львовъ (своекошт.).
24. Сергѣй Правдинъ (своекошт.).
25. Викторъ Сытинъ (своекошт.).
26. Викторъ Бѣлявскій (своекешт.).
27. Сергѣй Кандорскій (своекошт.).
28. Василій Коробковъ (своекошт.).
29. Иванъ Никоновъ (своекошт.).
30. Павелъ Прохоровъ (своекошт.).
31. Еразмъ Малиновскій (своекошт.).
32. Василій Поповъ (своекошт.).
33. Александръ Знаменскій (своекошт.).
34. Николай Колтыпинъ (своекошт.).
35. Адамъ Комаровскій (своекошт.).
36. Дмитрій Садомцевъ (своекошт.).
37. Дмитрій Сѣверцевъ (своекошт.).
38. Александръ Янушевичь (своекошт.).
39. Петръ Бородинъ (своекошт.).
40. Петръ Гофманъ (своекошт.).
41. Евгепій Масловъ (своекошт.).
42. Василій Розановъ (своекошт.).
43. Петръ Самплонскій (восп. Тамб. Пр. Общ. Приз.).
44. Николай Гаевскій (своекошт.).
45. Эдмундъ Козловскій (своекошт.).
46. Константинъ Сидоровичь (своекошт.).
47. Петръ Антоновъ (своекошт.).
48. Павелъ Курнаевъ (своекошт.).
49. Иванъ Невяровскій (своекошт.).
50. Иванъ Шадиновъ (своекошт.).
51. Семенъ Аскархановъ (своекошт.).
52. Казимиръ Эбертъ (своекошт.).
53. Павелъ Бинецкій (своекошт.).
54. Карлъ Цѣханскій (своекошт.).
55. Симфоріонъ Варховскій (своекошт.).

36. Михаилъ Мемель (восп. Моск. Вос. Дома).
37. Яковъ Цукерманъ (своекошт.).

III. СТЕПЕНИ ЛѢКАРЯ.

1. Давидъ Волькенштейнъ (своекошт.).
2. Осипъ Сыцянко (своекошт.).
3. Иванъ Грелль. (своекошт.).
4. Викторъ Бессеръ (Стип. Бар. Вилье).
5. Сергѣй Страховъ (своекошт.).

съ отличіемъ.

6. Карлъ Зенгеръ (своекошт.).
7. Николай Шатеневъ (своекошт.).
8. Василій Функендорфъ (своекошт.).
9. Михаилъ Заболоцкій (казеннок.).
10. Ермилъ Здравомысловъ (своекошт.).
11. Владиміръ Дзерожинскій (своекошт.).
12. Родіонъ Краснопѣвцевъ (своекошт.).
13. Болеславъ Вырвичъ (своекошт.).
14. Іосифъ Лещинскій (своекошт.).
15. Евстафій Кочержинскій (каз. стип.).
16. Николай Страховъ (своекошт.).
17. Александъ Фрезе (своекошт.).
18. Александръ Холодковскій (казеннок.).
19. Брониславъ Загоровскій (своекошт.).
20. Эдмундъ Пукшта (своекошт.).
21. Матвѣй Штейнгардъ (вольн. слуш.).
22. Дмитрій Страховъ (своекошт.).
23. Михаилъ Сумбулъ (своекошт.).
24. Владиміръ Делекторскій (казеннок.).
26. Іоахимъ Шергандъ (своекошт.).
27. Михаилъ Акиніевъ (казен. стип.).
28. Николай Виноградскій (своекошт.).
29. Іосифъ Головня (своекошт.).
30. Юліанъ Гудвилловичъ (своекошт.).

31. Иванъ Ивановскій (казеннок.).
32. Николай Сучковъ (казеннок.).
33. Романъ Деллиль (казеннок.).
34. Константинъ Соѣдовъ (казеннок.).
35. Юстинъ Крживицкій (своекошт.).
36. Константинъ Балашевскій (казеннок.)
37. Константинъ Шишло (казеннок.).
38. Петръ Зенковичь (казеннок. стипенд.).
39. Иванъ Босяцкій (своекошт.).
40. Иванъ Савицкій (своекошт.).
41. Иванъ Тимченко (своекошт.).
42. Павелъ Ѳедоровъ (своекошт.).
43. Арсеній Садовниковъ (казеннок.).
44. Бонифацій Довгялло (казеннок. стипенд.).
45. Николай Кашинъ (своекошт.).
46. Николай Лебедевъ (своекошт.).
47. Осипъ Зеленскій (своекошт.).
48. Александръ Токаржевичь (казеннок. стипенд.).
49. Казиміръ Бакшевичь (своекошт.).
50. Михаилъ Родзевичь (своекошт.).
51. Евгеній Вѣринъ (своекошт.).
52. Фридрихъ Герольдштейнъ (своекошт.).
53. Петръ Гинальскій (казеннок.).
54. Михаилъ Шелеповъ (казеннок.).
55. Петръ Марцинкевичь (своекошт.)
56. Михаилъ Подгурскій (своекошт.).
57. Каетанъ Томашевичь (своекошт.).
58. Николай Воскресенскій (своекошт.).
59. Ѳедоръ Зябревъ (своекошт.).
60. Ѳедоръ Предтеченскій (своекошт.).
61. Иванъ Яковлевъ (казеннок.).
62. Иванъ Цвѣтковъ (своекошт.)
63. Адольфъ Яцина (своекошт.).
64. Генрихъ Мицкевичь (казеннок.).

65. Михаилъ Хохловъ (казеннок.).
66. Александръ Семеновъ (казеннок.).
67. Михаилъ Лебедевъ (своекошт.).
68. Николай Малининъ (своекошт.).
69. Алексѣй Радонежскій (своекошт.).
70. Левъ Сушко (своекошт.).
71. Иванъ Шацкій (своекошт.).
72. Василій Баталинъ (своекошт.).
73. Владиславъ Годлѣвскій (своекошт.).
74. Иванъ Арефьевъ (своекошт.).
75. Павелъ Ивановъ (казеннок.).
76. Семенъ Чекинъ (казеннок.).

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, изъявилъ Высочайшее согласіе на предоставленіе Кандидатамъ Московскаго Университета: Петру *Безсонову*, Сергѣю *Терновскому* и Ѳедору *Островскому*, права поступить на службу въ столицахъ по Министерствамъ и Главнымъ управленіямъ.

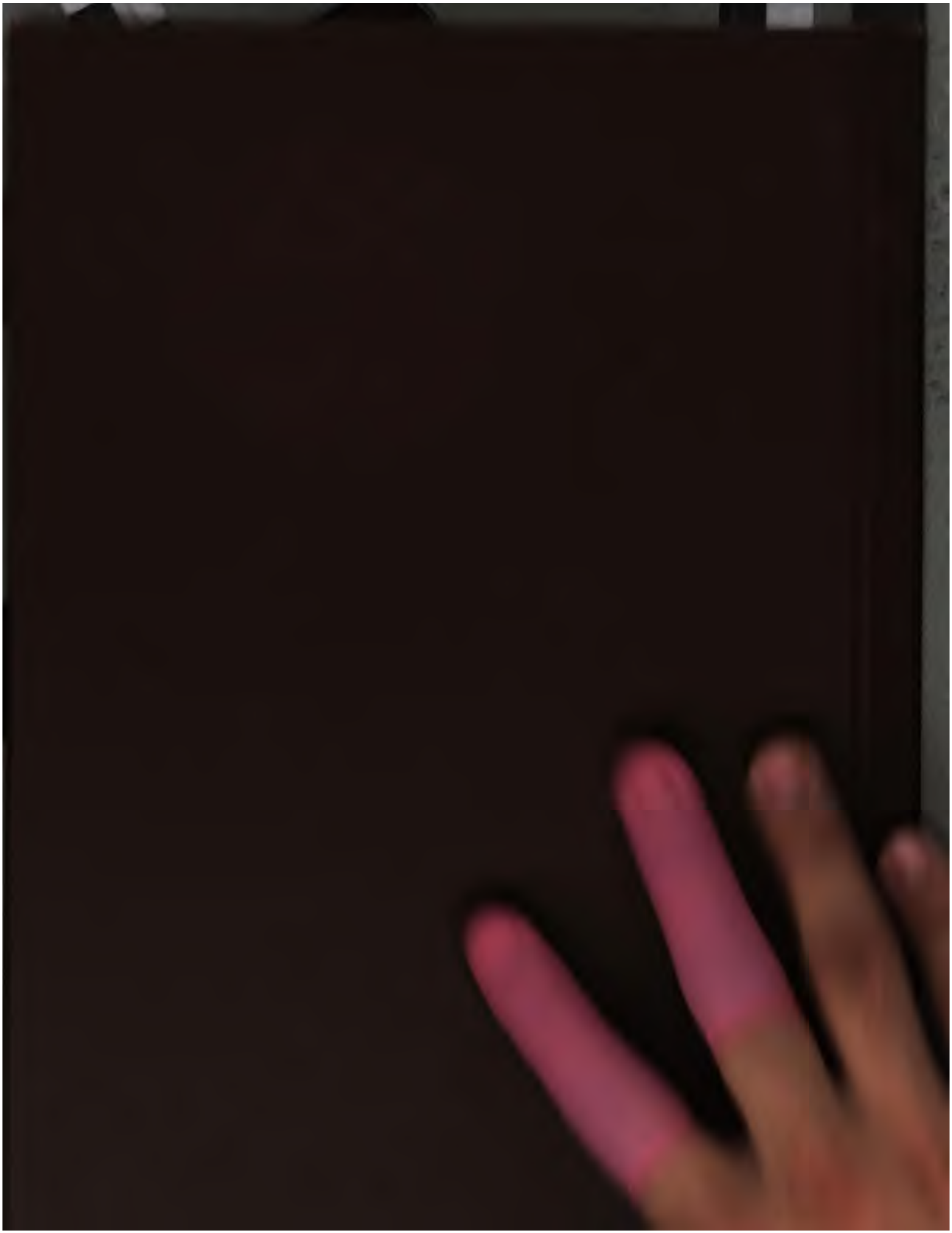
На основаніи 103 ст. Университетскаго Устава, за лучшія сочиненія на заданныя темы *, награждены *золотыми медалями*: въ Историко-Филологическомъ Факультетѣ: своекоштный Студентъ 4-го курса Степанъ *Рыжевъ*, въ Физико-Математическомъ Факультетѣ своекоштный Студентъ 4-го курса Николай *Страховъ* и въ Медицинскомъ Факультетѣ своекоштный Студентъ 5-го курса Иванъ *Новацкій*.

---

* На полученіе медалей заданы были темы: въ Историко-Филологическомъ Факультетѣ — *de carmine Graecorum elegiaco;* въ Физико-Математическомъ Факультетѣ — *о зацѣпленіяхъ цилиндрическихъ, коническихъ и гиперболическихъ;* въ Юридическомъ Факультетѣ — *объ областномъ управленіи въ Россіи;* но разсужденій на эту тему представлено не было; въ Медицинскомъ Факультетѣ — *De convulsionibus (sensu semiologico consideratis).*

D 13 .G7
O sovremennom sostolanii i zna
Stanford University Libraries
3 6105 041 343 695

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.

DATE DUE

JUN 3 0 2000
MAY 0 7 2000